
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Приготовление к войне. - Отпуск князя Трубецкого. - Выступление государя в поход. - Грамота царская к православным жителям Литвы. - Письмо царя к сестрам и к князю Трубецкому. - Успехи русских войск. - Взятие Смоленска. - Моровая язва в Москве и других городах. - Первое раскольническое движение. - Ссора шляхтича с козаком в Белоруссии. - Поведение Хмельницкого. - Приход Радзивилла под Могилев. - Измена Поклонского. - Действия Хмельницкого и Золотаренка. - Письмо Хмельницкого к Золотаренку. - Письма царя к Морозову, Черкасскому, Долгорукову, Пушкину и Матвееву. - Второй поход царя. - Обращение его к ратным людям. - Взятие Вильны, Ковна и Гродна. - Походы Хмельницкого и Бутурлина, Волконского и Урусова. - Жалоба ратных людей на воевод Урусова и Борятинского. - Сношения с гетманом Павлом Сапегою. - Успехи шведов в Польше. - Сношения шведского короля с царем. - Царское посольство к Радзивиллу. - Столкновения у русских войск со шведскими. - Императорские послы в Москве. - Посольство из Москвы к Павлу Сапеге. - Посольство Галинского в Москву. - Прекращение военных действий с поляками. - Переговоры со шведскими послами. - Посольство в Данию. - Царский поход в Ливонию. - Неудачная осада Риги. - Виленские переговоры бояр с польскими комиссарами. - Посольство Матвеева к Гонсевскому. - Ордин-Нащокин. - Переговоры с Даниею. - Столкновение с козаками в Белоруссии. - Поведение Хмельницкого и сношения с ним царя. - Смерть Хмельницкого

Еще летом 1653 года государь почел нужным внушить войску о возможности скорого похода; 28 июня он делал смотр своему двору на Девичьем поле, после чего приказал думному дьяку стать перед собою и сказать войску: "Стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы! Писано есть, яко всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше от отца. Сего благословеньем и едиnorodного его сына и святого и животворящего духа изволением, и всенадежныя заступницы наша богородицы и приснодевы Марии, и всех святых молитвами пришло в мысль нашего царского величества осмотреть воинство наше, которым православная христианская вера сохраняется в мире и в тишине, и в благоденствии, и наше царское величество от супротивных врагов наших ограждается, и ваша в службе храбрость и мужество объявляется, и христианское множество от всенаходящих бед спасается. Видя всеурядное тщание, благодаря бога, по-прежнему радуемся и ваше тщание к службе и службу вашу хвалим. Когда же благоволит бог по его святому смотрению супротивные воевать, и вам бы с таким же тщанием, как и ныне видим вас, с радостным усердием готовым быть, да не мимо идет и нас Христово веление: более сея любви несть, да кто душу свою положит за други своя.

Воинствующие за святую, соборную и апостольскую церковь и за православную веру противу своего достояния и от нашего царского величества милость получают и небесного царствия сподобятся, как и первые победоносцы, за православие пострадавшие". 23 октября в Успенском соборе государь объявил: "Мы, великий государь, положив упование на бога и на пресвятую богородицу и на московских чудотворцев, посоветовавшись с отцом своим, с *великим государем*, святейшим Никоном патриархом, со всем освященным собором и с вами, боярами, окольничими и думными людьми, приговорили и изволили идти на недруга своего, польского короля: воеводам и всяких чинов ратным людям быть на нынешней службе без мест, и этот наш указ мы велели записать в разрядную книгу и закрепили своею государскою рукою".

В начале 1654 года началось движение войск: 27 февраля отпущен был в Вязьму наряд с боярином Далматовым-Карповым; 15 марта в присутствии козацких послов был смотр на Девичьем поле рейтарскому и солдатскому учению; 17 марта был повешен поход в Брянск князю Алексею Никитичу Трубецкому с товарищами. 23 апреля в Кремле было большое торжество по поводу отпуска и угощения Трубецкого. Это было воскресенье; в Успенском соборе служил обедню великий государь святейший патриарх, присутствовал великий государь царь со всем синклитом, присутствовала царица и стояла на своем месте за занавескою (запоною); налево от царицына места стояли боярские жены и прочие женщины; собор наполняли стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, полковники и головы стрелецкие, сотники и подьячие, которые должны были идти в поход с воеводами. После обедни служили молебен; когда окончилось чтение Евангелия, патриарх благословил бояр и воевод и велел им идти прикладываться к образам и мощам; когда они исполнили это, патриарх и царь подошли к образу владимирской богородицы, Никон прочел сначала молитву богородице, потом - молитвы на рать идущим, причем помянул имена бояр, воевод, дьяков и прочих начальников, после этого царь поднес ему воеводский наказ, патриарх положил его в киот владимирской иконы на пелену, позвал бояр и воевод и начал им говорить: "Примите сей наказ от престола господя бога и упование держите неизменное, ибо сам господь рек: имей веру, яко зерно горушично, и проч. Идите радостно и дерзостно за святые божи церкви, за благочестивого государя и за всех православных христиан и исполняйте государево повеление безо всякого преткновения. Если же не сотворите по сему государеву наказу, убоитесь и не станете радеть о государеве деле, то восприимите Ананиин и Сапфирин суд". Трубецкой принял наказ и поцеловал руки у патриарха. Царь вышел из церкви, поддерживаемый двумя боярами, Алексеем Никитичем Трубецким и Григорием Семеновичем Куракиным, и, остановившись у соборных дверей на рундуке, позвал бояр и воевод к себе хлеба есть. Когда сели за стол, принесли списки всех ратных людей, отправляющихся в поход, и положили пред государем, который, посидев немного, обратился к Трубецкому с такою речью: "Князь Алексей Никитич с товарищи!

Заповедую вам: заповеди божию соблюдайте и дела наши с радостию исправляйте: творите суд вправду, будьте милостивы, странноприимцы, больных питатели, ко всем любовны, примирительны, а врагов божиих и наших не щадите, да не будут их ради правые опорочены; передаю вам эти списки ваших полчан: храните их, как зеницу ока, любите и берегите по их отечеству, а к солдатам, стрельцам и прочему мелкому чину будьте милостивы к добрым, а злых не щадите; клеветников и ссорщиков не допускайте до себя, особенно же пребывайте в совете и любви и упование держите несомненное. Если же презрите заповеди божию и преслушаетесь нашего слова, людей божиих, преданных вам, презрите, то я перед богом не буду виноват, вы дадите ответ на страшном суде". Потом государь обратился с речью к полчанам: "При вас заповедал я боярам и воеводам заповеди божию соблюдать, также и наши дела исправлять с усердием, суд творить вправду и вас беречь по вашему отечеству и любить добрых, как самих себя, а злых не щадить; и вам бы, слыша от нас такой милостивый и грозный приказ, бояр и воевод во всем почитать и слушать и бояться, как и нас, и на всякие дела быть готовым без отговорок, а врагов божиих и наших не таить и не покрывать, а извещать на них боярам и воеводам; еще же заповедую вам пребывать во всякой чистоте и целомудрии, потому что не знаете, в какой час смерть постигнет".

Когда кончился обед и дворецкий снял скатерть, то царь, вставши с своего места, стал за столом, сступя с колодки на правую сторону. В это время ключарь с собором совершали хлеб богородицын; певчие пели: "Блажим тя вси роди, богородице" и "Достойно есть"; священники говорили: "Святой боже!" по: "Отче наш!" и кондаки, а ключарь подносил панагию с хлебом богородицыным к царю. Государь взял с панагии часть хлеба богородицына с опасением и стоя потребил. Ключарь, поклонясь, отдал панагию и, взявши со стола богородицыну чашу, поднес царю; государь испил трижды и подавал чашу боярам и воеводам по чину, кроме окольных; бояре и воеводы шли к чаше один за другим по чину и, приняв чашу, целовали царскую руку; потом подавал государь чашу ключарю с братиею. Ключарь совершал стол, говорил: "Благословен бог наш"; соверша стол, поклонившись образам и ударив челом государю, шел с братией за панагиею в церковь и из церкви - домой. Отпустив панагию, царь сел на прежнее свое место, а бояре и воеводы, дьяки и полчане стояли; царь жаловал бояр и воевод водкою и красным медом, дьяков - красным и белым медом, полчан - белым медом. Кончилось угощение, и царь обратился к боярам и воеводам с речью: "Князь Алексее су с товарищи! Если даст бог здоровья вам и станете на указном месте, то, пересмотря наших ратных людей, скажите им наш указ: на первой неделе Петрова поста всем обновиться св. покаянием и восприятием тела и крови господни; ведаете и сами: аще христианин три лета не причастится, несть христианин. Второе вам приказываю: если и в походах будете, не оставьте сей евангельской заповеди, елико сила ваша может, сотворите плоды послушания, ведаете и сами, чем пророцы и закон весь висят. Аще сию Христову заповедь сохраните и обновитесь святым покаянием и

приобщитесь бессмертной трапезе, то дерзостно реку вам: ей, ополчится ангел господен окрест полка вашего. Третье приказываю вам: непослушников и силою приводить к святому покаянию; полагаю весь полк ваш на вас, боярах и воеводах: если хотя один человек нерадением вашим не обновится покаянием, то вы ответ дадите на страшном суде Христове".

Трубецкой отвечал: "О, царю пресветлый, премилостивый и премудрый, наш государь и отец и учитель! Ей, насладились мы душевных и полезных учительских слов! Какого источника живых вод искали, такой и обрели. Пророком Моисеем манна дана была израильским людям в пищу: мы же не только телесною снедью напитались от твоих царских уст, но и душевную пищу пресладких и премудрых глаголов божиих, исходящих от уст твоих, царских, обвеселились душами и сердцами своими. Хотя малодушны мы и маловерны, но устремляемся на всякое послушание благое, и бог помощник нам будет".

Начался отпуск: первый пошел к царской руке старший воевода, князь Трубецкой; царь взял обеими руками его голову и прижал к груди своей "для его чести и старшинства, потому что многими сединами украшен, муж благоговейный и изящный, мудрый в божественном писании, в воинстве счастлив и недругам страшен". Растроганный до слез, воевода начал кланяться в землю раз до тридцати. Отпустив начальных людей, царь пошел в сени Грановитой палаты и приказал позвать последних полчан, которые обедали в столовой, московских дворян и жильцов, дворян и детей боярских - ярославцев, жаловал их из своих рук в ковшах белым медом и говорил речь: "В прошлом году были соборы не раз, на которых были и от вас выборные, от всех городов дворян по два человека; на соборах этих мы говорили о неправдах польских королей, вы слышали это от своих выборных: так вам бы за злое гонение на православную веру и за всякую обиду к Московскому государству стоять, а мы идем сами вскоре и за всех православных христиан начнем стоять, и если творец изволит и кровию нам обагриться, то мы с радостью готовы всякие раны принимать вас ради, православных христиан, и радость и нужду всякую будем принимать вместе с вами". Полчане возопили: "Что мы видим и слышим от тебя, государя? За православных христиан хочешь кровию обагриться! Нечего нам уже после того говорить: готовы за веру православную, за вас, государей наших, и за всех православных христиан без всякой пощады головы свои положить!" Государь заплакал и сквозь слезы проговорил: "Обещаетесь, предобрые мои воины, на смерть, но господь бог за ваше доброе хотение дарует вам живот, а мы готовы будем за вашу службу всякой милостию жаловать".

26 числа войско выступило в Брянск; оно шло через Кремль мимо дворца под переходы, на которых сидели царь и патриарх; Никон кропил проходящее войско святою водою. Когда подъехали к переходам бояре и воеводы, то сошли с лошадей и поклонились по обычаю; государь спросил

их о здоровье, и они поклонились до земли. Царь сказал им: "Поезжайте да послужите; бог с вами: той вам да поможет и вас соблюдет". Бояре и воеводы опять поклонились до земли. Встал Никон, благословил их и сказал речь: "Упование крепко и несумненно имейте в уме своем на господа бога и творца всего создания и общую заступницу, пресвятую богородицу, призывайте на помощь. Государевы дела делайте с усердием, а во всем том господь бог утвердит вас и поможет вам на всякое доброе дело; да подаст вам силою животворящего креста победу и одоление и возвратит вас здравых со всякою доброю победою". Изговоря речь, патриарх опять благословил воевод и поклонился им по обычаю; воеводы поклонились ему в землю, и Трубецкой говорил речь: "О, всеблаженнейший и пресветлейший отцам отец, великий государь, пресвятейший Никон, всея Великие и Малые России патриарх! Удивляемся и ужасаемся твоих государевых, учительных словес и надеемся на твое государево благоутробие, понеже не видим ни одного грешника, кающегося отгоняема и озлобляема от тебя, государя. Твоему пресвятому поучению, как евангельскому благовестию, радостною душою и с радостными слезами веселимся и утешаемся; по воле божией, по государеву указу и по твоему благословению и учению обещаемся с радостью служить безо всякие хитрости; если же в бесхитрости или в недоумении нашем преступление учинится, молим тебя, пресветлейший владыка, о заступлении и о помощи". В то время как говорил речь Никон, царь для его святительской речи и достоинства стоял.

Съездивши к Троице и в Саввин монастырь, царь 10 мая осмотрел на Девичьем поле всех ратных людей, которые должны были идти с ним в поход; 15 мая отпущена была в Вязьму Иверская икона богородицы, и в тот же день отправились туда воеводы передового и ертаульного полка; на другой день выступили воеводы большого и сторожевого полка; 18 мая выступил сам царь. Дворовыми воеводами при нем были бояре - Борис Иванович Морозов и Илья Данилович Милославский; в большом полку бояре - князь Яков Куденетович Черкасский и князь Семен Васильевич Прозоровский; в передовом полку - князь Никита Иванович Одоевский да князь Федор Юрьевич Хворостинин; в сторожевом - князь Михайла Михайлович Темкин-Ростовский да Василий Иванович Стрешнев. Государева полка сотенные головы и начальные люди с полками, головы стрелецкие с приказами собирались с утра на Девичьем поле, откуда шли сотнями через дворец: здесь из окна столовой избы патриарх кропил их святою водою. В воротах, через которые шел государь, по обе стороны сделаны были рундуки большие ступенями и обиты красным сукном; на рундуках стояло духовенство и кропило государя и ратных людей святою водою. Это главное войско отправилось на запад, по Смоленской дороге; Трубецкому из Брянска велено было идти в Малороссию и, соединившись там с Хмельницким, ударить на польские области; с своей стороны Хмельницкий отрядил в Белоруссию 20000 козаков под начальством наказного гетмана Ивана Никифоровича Золотаренка. Боярину Василью Борисовичу Шереметеву велено было двинуться из Путивля в Белгород

или в Карпово Сторожевье для оберегания южных границ от крымского хана и ногайских людей.

Надеялись найти союзников в областях королевских, куда посланы были такие грамоты:

"В Польское королевство и Литовское княжество, матери нашей святой восточной церкви сынам, греческого закона православным архиереям, иереям и всего священного и иноческого чина и всем православным христианам всякого чина и возраста и достояния, по городам, местечкам, селам и весям: от многих времен от святыя восточныя церкви к нам, чадам ее, и от всех православных христиан Малыя России моление было, да законным вспоможением, елико верным по верных достоинств помогать, поможем. И вот теперъ умилились мы и Малую Россию, православных христиан, под единого словесных овец пастыря Христа бога нашего державу решились принять. И вот теперъ всем извещаем, что богохранимое наше царское величество за божию помощию, собравшись со многими ратными людьми на досадителей и разорителей св. восточной церкви греческого закона, на поляков, вооружаемся, дабы господь бог над всеми нами, православными христианами, умилился и чрез нас, рабов своих, тем месть сотворил, и св. восточная церковь от гонения освободилась и греческими старыми законами красилась, чтоб за многие королевские неправды и за нарушение вечного докончания воздалась месть. И вы бы, православные христиане, освободившись от злых, в мире и благоденствии прочее житие провождали; и сколько вас господь бог на то доброе дело восставил, прежде нашего царского пришествия разделение с поляками сотворите, как верую, так и чином, хохлы, которые у вас на головах, постригите, и каждый против супостат божиих да вооружается. Которые добровольно прежде нашего государского пришествия известны и верны нам учинятся, о тех мы в войске заказ учинили крепкий, да сохранены будут их дома и достояние от воинского разорения".

26 мая государь приехал в Можайск, откуда писал сестрам: "Из Можайска пойдем 28 числа: спешу, государыни мои, для того, что, сказывают, людей в Смоленске и около Смоленска нет никого, чтоб поскорей захватить".

Алексей Михайлович, уверенный в необходимости предприятия, уверенный в правоте своего дела, одушевленный религиозным чувством, выступал в поход, по крайней мере, с тою смелостию, с какою удерживался при гробе патриарха Иосифа, несмотря на разные искушения. Теперъ, по выступлении в поход, явились также искусители: то были люди, окружавшие царя; им не нравилось предприятие, заставившее расстаться с покойною московскою жизнью, им страшен был поход к литовской границе, ибо давно уже эти походы не оканчивались счастливо. Пользуясь добротой царя, они не скрывали при нем своего неудовольствия и сильно огорчали Алексея. "А у нас (писал государь к князю Трубецкому 31 мая), у нас едут с нами отнюдь не единодушием, наипаче двоедушием, как есть

облака: иногда благопотребным воздухом и благонадежным и уповательным явятся, иногда зноем и яростию, и ненастьем всяким злохитренным и обычаем московским явятся, иногда злым отчаянием и погибель прорицают, иногда тихостию и бледностью лица своего отходят, лукавым сердцем. Коротко вам пишу, потому что неколи писать, спешу в Вязьму; а мне, уже бог свидетель, какво становится от двоедушия того, отнюдь упования нет. А потом здравствуйте и творите всякое дело с упованием к творцу своему и будьте любовны между собою, ей бог с вами, а ко мне, если бы не его светова милость, ей сокрушение бы моему сердцу малодушие оных". Скоро, однако, эти неприятности исчезли, ибо начали приходить радостные вести.

Первую приятную весть получил государь на дороге из Царева-Займища в Вязьме 4 июня; дали знать, что едва толпа вяземских охочих людей показалась перед Дорогобужем, как поляки побежали из города в Смоленск, а посадские люди сдали Дорогобуж без боя. На дороге из Вязьмы в Дорогобуж 11 июня царь получил весть о сдаче его войскам Невля; 14 июня в Дорогобуж пришла весть о сдаче Белой. 26 июля передовой полк имел первую сшибку с поляками на реке Колодне под Смоленском; 28 июня сам государь стал под Смоленском в Богдановой околице и на другой день его поздравили со сдачею Полоцка; июля 2 получена весть о сдаче Рославля; 5 июля государь расположился станом на Девичьей горе, в двух верстах от Смоленска; 20 дали знать о сдаче Мстиславля. Среди этих радостных известий было только одно печальное: под Оршею, трижды несчастною, русские потерпели сильное поражение от литвы, которая подкралась к ним ночью и ударила на спящих. Но эта неудача не могла остановить быстрого успеха Москвы, которая, как доносили королю его воеводы, теперь воевала по новому образцу, занимала земли милостию и жалованьем царским; православная шляхта, сдавшаяся на имя царское по деревням и в Полоцке, была отправлена под Смоленск к царю за жалованьем; которая не хотела сдаваться, отпускалась беспрепятственно. Эта снисходительность имела то действие, что не только простой народ, но и шляхта охотно присягали царю, особенно бедные люди, служивые иноземцы, которые не надеялись получить своего жалованья от Речи Посполитой. "Мужики очень нам враждебны, - пишут поляки, - везде на царское имя сдаются и делают больше вреда, чем сама Москва; это зло будет и дальше распространяться; надобно опасаться чего-нибудь вроде козацкой войны". 22 июля выехал на государево имя могилевский шляхтич Поклонский и жалован в полковники; ему поручено было уговаривать земляков, чтоб поддавались государю и служили ему против поляков, для чего велено было тому же Поклонскому всяких служивых людей прибирать к себе в полк и обнадеживать их государским жалованьем. Уговаривать могилевцев к сдаче отправлен был вместе с Поклонским московский дворянин Воейков с отрядом ратных людей. На дороге прислали к ним чаусовцы с просьбою принять их под государеву руку, и Поклонский набрал из них 800 человек пехоты. 24 июля дали знать государю о сдаче Дисны и Друи, 2 августа - о взятии Орши, оставленной

гетманом литовским Радзивиллом, который был нагнан русскими и разбит. 9 августа боярин Василий Шереметев дал знать о взятии города Глубокого, 20 - о взятии Озерища, и в тот же день князь Алексей Трубецкой дал знать о победе над гетманом Радзивиллом, одержанной в 15 верстах от города Борисова, на речке Шкловке: 12 полковников, 270 всяких людей, знамя и бунчук гетманские, знамена и литавры достались победителям; раненый Радзивилл спасся с немногими людьми. В тот же день прискакал третий сеунч, или вестник победы, от гетмана Золотаренка: Гомель сдался ему. 24 августа сдался Могилев Поклонскому и Воейкову; последний писал государю, что православных моголевцев он привел к присяге, а католиков, которые хотят служить государю, приводить к присяге не смеет, потому что они не христиане. Жида были побиты в Могилеве, но мещане сложили эту вину на козаков Поклонского. Государь исполнил челобитье моголевцев, чтоб жить им под магдебургским правом, носить одежду по прежнему обычаю, не ходить на войну, чтоб не выселять их в другие города; дворы их были освобождены от военного постоя, позволено было выбирать из черни шаферов для заведывания приходами и расходами городскими; обещано не допускать ляхов ни в какие должности в городе; козаки не могли жить в Могилеве, разве по делам службы: жида также не допускались в город на житье; школе быть по образцу киевских училищ. Подобные же грамоты даны были и другим покоровшимся городам.

Август окончился удачными действиями Золотаренка, который 29 числа дал знать о взятии Чечерска, Нового Быхова и Пропойска. А между тем уже два месяца Смоленск был в осаде; приступ ночью на 16 августа не удался; по польским известиям, русских погибло 7000 да ранено было 15000. Царь же Алексей Михайлович писал сестрам: "Наши ратные люди зело храбро приступали и на башню и на стену взошли, и бой был великий; и по грехам под башню польские люди подкатали порох, и наши ратные люди сошли со стены многие, а иных порохом опалило; литовских людей убито больше двухсот человек, а наших ратных людей убито с триста человек да ранено с тысячу". Как бы то ни было, и осажденные понесли сильный урон и увидали, что держаться более нельзя: укрепления повреждены, всех защитников не наберется и двух тысяч, а защищать надобно стены, растянутые на таком огромном пространстве, и 34 башни наконец, пороху недоставало. Шляхта, отчаявшись отбить неприятеля, отказывалась повиноваться: мало кто шел на стены, никто не хотел работать для восстановления укреплений; козаки чуть-чуть не убили королевского инженера, когда он стал высылать их на работу; толпами стали перебегать к осаждающим; особенно бежали те, которые не получали жалованья. Сентябрь начался счастливыми вестями для царя: 1 числа получил он весть о сдаче Усвята, 4-го - о сдаче Шклова. Смоленский воевода Обухович и полковник Корф прислали просить о начатии переговоров; 10 сентября стольники Иван Богданович Милославский и Семен Юрьевич Милославский да стрелецкий голова Артемон Сергеевич Матвеев на съезде с литовскими людьми договорились о сдаче Смоленска: Обухович и Корф получили позволение выехать в Литву, остальной шляхте

и мещанам дано было на волю: или выехать в Литву, или присягнуть государю. Начальники еще хотели тянуть время, выжидать, но жители Смоленска не хотели ждать; они составили сеймики, на которых главный голос принадлежал пану Голимонту и двоим Соколинским: условились о сдаче, подговорили замковую пехоту, сорвали хоругвь с воеводского дома, отворили ворота и пошли к царю. 23 сентября под стенами Смоленска происходило обратное явление тому, какое видели здесь в 1634 году: литовские воеводы, выходя из Смоленска, били челом и клали знамена перед государем московским. На другой день бояре, окольниковые, стольники, стряпчие и дворяне приходили поздравлять государя с Смоленском, подносили хлеб и соболи. В столовом шатре царь угощал обедом грузинских и сибирских царевичей, бояр и окольниковых, сотенных голов государева полка и черкасского наказного гетмана Ивана Золотаренка с товарищами, 28-го числа угощал есаулов своего полка и смоленскую шляхту. Получивши весть о взятии города Гор, государь 5 октября выступил из-под Смоленска в Вязьму. На дороге 16 числа получил весть о сдаче Дубровны.

Но в то время как с запада приходили все вести счастливые, из Москвы давали знать, что здесь свирепствует моровая язва. Еще в июле месяце по распоряжению Никона царица с семейством выехала из столицы; выехал и патриарх по указу царскому. Чтоб сберечь государя и войско, поставлены были крепкие заставы по Смоленской дороге, также по Троицкой, Владимирской и другим дорогам; людям, едущим под Смоленск, велено говорить, чтоб они в Москву не заезжали, объезжали около Москвы. Здесь в государевых мастерских палатах и на казенном дворе, где государево платье, двери и окна кирпичом заклали и глиною замазали, чтоб ветер не проходил; с дворов, где обнаружилось поветрие, оставшихся в живых людей не велено выпускать: дворы эти были завалены и приставлена к ним стража. Бедствием воспользовались люди, которых уже давно тревожили разные новизны морозовские, ртищевские, никоновские. 25 августа князь Пронский с товарищами были у обедни в Успенском соборе; около церкви собралось много народа из разных слобод, принесли в киоте икону - Спас нерукотворенный, лице и образ соскребены. Когда боярин вышел от обедни, земские люди подошли к нему и начали говорить: "Взят этот образ на патриархов двор у тяглеца новгородской сотни, Софрона Лапотникова, и отдан ему образ из тиунской избы для переписки, лице выскребено, а скребли образ по патриархову указу". Выступил Софрон Лапотников и стал говорить: "Мне было от этого образа явление, приказано показать его мирским людям, а мирские люди за такое поругание должны стать". Мирские люди подхватили: "На всех теперь гнев божий за такое поругание: так делали иконоборцы; во всем виноват патриарх, держит он ведомого еретика старца Арсения, дал ему волю, велел ему быть у справки печатных книг, и тот чернец много книг перепортил, ведут нас к конечной гибели, а тот чернец за многие ереси вместо смерти сослан был в Соловецкий монастырь; патриарху пристойно было быть на Москве и молиться за православных христиан, а он Москву покинул, и попы, смотря

на него, многие от приходских церквей разбежались, православные христиане помирают без покаяния и без причастия. Напишите, бояре, к государю царю, к царице и царевичу, чтоб до государева указа патриарх и старец Арсений куда-нибудь не ушли". Пронский с товарищами начал уговаривать земских людей всякими мерами, чтоб они от такого дела отстали. "Святейший патриарх, - говорил боярин, - пошел из Москвы по государеву указу, и когда соцкие к нему приходили бить челом, чтоб он в нынешнее время из Москвы не уезжал, то патриарх казал им государеву грамоту, что он идет по государеву указу, а не по своей воле". Народ выслушал это спокойно, но потом, в тот же день, толпа явилась у Красного крыльца, принесли иконные доски, говоря, что с этих досок образа соскребены. "Мы, - говорили из толпы, - мы эти доски разнесем во все сотни и слободы и завтра придем к боярам по этому делу". При всем этом волнении соцкие не показывались, а предводительствовали и говорили гостиной сотни купцы - Дмитрий Заика, Александр Баев да кашашевец Иван Нагаев. Пронский отписал об этом деле царице и царевичу (т. е. бывшему при них Никону) и по их приказанию призвал к себе черных сотен и слобод соцких и старост и лучших людей и говорил им, чтоб они к совету худых людей не приставали, своей братьи говорили, чтоб и они от такого злого начинания отстали, заводчиков воровства поймали и к ним, боярам, привели. Соцкие отвечали, что они к злему заводу не пристаю и свою братью станут унимать. Потом Пронский велел призвать троих оставшихся в Москве гостей, из гостиной и суконной сотен лучших и средних людей и велел им прочесть грамоту, присланную от царицы. Призванные, выслушав грамоту, отвечали, что они про патриарха никаких бесчестных слов не говаривали, к соборной церкви и к Красному крыльцу не прихаживали, а которые воры приходили и те речи говорили, то они за них не стоят и, проведав, имена их принесут. Тут же черных сотен и дворцовых слобод старосты и соцкие били челом, чтоб святейший патриарх пожаловал, благословил для нынешнего времени у приходских церквей петь обедни в час дня и, которые священники из Москвы сбежали и живут по деревням, тех выслать назад в Москву, а которые живут в Москве под запрещением, тем разрешить, потому что многие церкви стоят без пения, православные христиане умирают без покаяния и причастия и мертвых погребать некому.

Не знаем, удовлетворено ли было это требование, но попытались еще раз поднять народ против печатания книг, исправляемых Арсением. В начале сентября князь Пронский дал знать царице, что моровое поветрие в Москве усиливается, православных христиан остается немного; писал, что какая-то женщина Степанида Калужанка с братом Терешкою рассказывают видения и запрещают печатать книги. Пронскому от имени царицы и царевича Алексея Алексеевича отвечали (конечно, Никон): "Степанида с братом своим Терешкою в речах рознились: из этого ясно, что они солгали, и вы бы вперед таким небыличным вракам не верили; печатный двор запечатан давно и книг печатать не велено для морового поветрия, а не для их бездельных врак". Зараженные деревни велено было засекать и расставлять

около них сторожи крепкие, на сторожах разложить огни часто; под смертною казнию запрещено было сообщение между зараженными и незараженными деревнями. Со стану на реке Нерли царица отправлялась в Колязин монастырь; дали знать, что через дорогу в Колязин провезено тело думной дворянки Гаврениной, умершей от заразы, и вот велено было на этом месте, на дороге и по обе ее стороны, сажень по десяти и больше, накласть дров и выжечь гораздо, уголье и пепел вместе с землею свезть и насыпать новой земли, которую брать издалека. 11 сентября царское семейство уже было в Колязине монастыре. Грамоты, присылаемые сюда из Москвы от бояр, переписывались через огонь; в этих грамотах присылались вести нерадостные: 11 сентября умер боярин князь Михайла Петрович Пронский, 12-го - боярин князь Хилков; померли гости, бывшие у государевых дел; в черных сотнях и слободах жилецких людей осталась самая малая часть; стрельцов из шести приказов и одного не осталось, многие померли, другие больны, иные разбежались; ряды все заперты, в лавках никто не сидит; на дворах знатных людей из множества дворни осталось человека по два и по три; объявилось и воровство: разграблено было несколько дворов, а сыскивать и унимать воров некем; тюремные колодники проломались из тюрьмы и бежали из города, человек с сорок переловили, но 35 ушло. В ответ был послан приказ: в Кремле запереть все ворота и решетки запустить, оставить одну калитку на Боровицкий мост, и ту по ночам запирают. С 10 октября мор начал стихать, и зараженные стали выздоравливать. 21 октября государь приехал в Вязьму и по случаю морового поветрия не поехал далее; сюда к нему приехала и царица с семейством из Колязина. В начале декабря государь послал досмотреть в Москве, сколько умерло и сколько осталось; донесли: в Успенском соборе остался один священник да один дьякон; в Благовещенском - один священник; в Архангельском службы нет: протопоп сбежал в деревню; во дворце по двору едва можно пройти: сугробы снежные! На трех дворцах дворовых людей осталось 15 человек. В Чудове монастыре умерло 182 монаха, живых осталось 26; в Вознесенском умерло 90 монахинь, осталось 38; в Ивановском умерло 100, осталось 30; в Посольском приказе переводчиков и толмачей 30 умерло, 30 осталось. На боярских дворах: у Бориса Морозова умерло 343 человека, осталось 19; у князя Алексея Никитича Трубецкого умерло 270, осталось 8; у князя Якова Куденетовича Черкасского умерло 423, осталось 110; у князя Одоевского умерло 295, осталось 15; у Никиты Ивановича Романова умерло 352, осталось 134; у Стрешнева из всей дворни остался в живых один мальчик и т. д. В черных сотнях и слободах: в Кузнецкой умерло 173 человека, осталось 32; в Новгородской сотне умерло 438, осталось 72; в Устюжской полусотне умерло 320, осталось 40; в Покровской сотне умерло 477, осталось 48 и т. д. В других городах: в Костроме умерло 3247 человек; в Нижнем Новгороде - 1836, а в уезде - 3666; в Калуге посадских людей умерло 1836 (включая жен, детей, племянников и зятьев), осталось 777; в Троицком монастыре и подмонастырских слободах умерло 1278 человек; в Торжке умерло 224, осталось всяких людей 686, в уезде умерло 217, осталось 2801; в

Звенигороде умерло 164, осталось с женами и детьми всего 197, в уезде умерло 707, осталось 689; в Верее с уездом умерло 1524 человека; в Кашине умерло 109, осталось 300, в уезде умерло 1539, осталось 908; в Твери умерло 336, осталось 388; в Туле умерло 1808, осталось 760 мужского пола; в Переяславле Рязанском умерло 2583 человека, осталось 434; в Угличе умерло 319, осталось 376; в Суздале умерло 1177, осталось 1390 (с женами и детьми); в Переяславле Залесском умерло 3627, осталось 939. Эти известия важны для нас и в том отношении, что дают нам понятие о населении городов Московского государства во второй половине XVII века.

Между тем война продолжалась в Белоруссии: 22 ноября боярин Василий Петрович Шереметев дал знать, что он взял с боя Витебск. Это была последняя радостная весть в 1654 году, затем стали приходиться вести неприятные. Прежде всего началась ссора у шляхтича с козаками: Могилев, как мы видели, был занят полковником Поклонским и Воейковым, которые и остались в нем начальствовать. 7 сентября прискакал из Могилева шляхтич Рудницкий и объявил государю, что прислал к Поклонскому гетман Золотаренко из-под Быхова грамоту, пишет с великими угрозами, хочет его убить, а сердится за то, зачем могилевцы сдались Поклонскому; Рудницкий же донес, что запорожцы воюют Могилевский уезд. Государь в тот же день послал приказ князю Алексею Никитичу Трубецкому отправить в Могилев отряд ратных людей; Трубецкой 12 сентября прислал в Могилев стрелецкого голову с приказом, и Поклонский с Воейковым разослали этих стрельцов по уезду для оберегания крестьян от козаков. В другой день, 13 сентября, явился в Могилев сам наказный гетман Золотаренко проездом под Смоленск к государю; Воейков воспользовался этим случаем и стал жаловаться гетману, что козаки наехали в Могилевский уезд и распоряжаются: хлеб, собранный на государя, велели возить к себе под Быхов, мельницы стали отдавать на оброк, денежные оброки с крестьян выбирают, лошадей и животину всякую у них берут. Золотаренко отвечал: "Что ж мы будем есть, если нам хлеба, коров и лошадей не брать? Вы готовите хлеб на зиму для государевых ратных людей, а нам надобно теперь". "Кто же тебе мешает готовить всякие запасы в Быховском уезде?" - возразил на это Воейков, и тем разговор кончился. Но дело не кончилось: 15 сентября новая жалоба от Поклонского: "Золотаренко, выехавши из Могилева, прибил встретившихся ему людей моих и сказал им: то же будет от меня и полковнику вашему! После этого все мои козаки, испугавшись, отступились от меня, никто уже со мной не хочет быть, все к нему передались, и я, не имея людей, не могу больше быть полковником, бью челом вашему царскому величеству, укажите мне где-нибудь жить, а здесь подле Золотаренка ни за что служить не стану, боюсь его пуще ляхов". От Воейкова также приходили жалобы на козаков: 12 октября он доносил, что Золотаренко запретил крестьянам возить хлеб и сено в Могилев, велел возить к себе, в Войско Запорожское; стрельцы собрали было по селам хлеб и хотели молотить, но наехали козаки, стрельцов выбили, хлеб отняли

и многие из них, ограбив крестьян, на службе не остались, разошлись по своим городам.

Черкас стало меньше; Поклонский остался полковником в Могилеве; но вот взволновались могилевцы: 14 октября бурмистры, радцы, лавники и мещане пришли к Воейкову и говорили: "Из Смоленска государь изволил пойти к столице и своих ратных людей отпустил; а к нам в Могилев ратных людей зимовать не прислано, пороху нет и пушек мало; мы видим и знаем, что государь хочет нас выдать ляхам в руки; а на козаков Золотаренковых нечего надеяться: запустошив Могилевский уезд, все разбегутся, и теперь уже больше половины разбежалось. Мы на своей присяге стоим, но одним нам против ляхов стоять не уметь". Воейков тотчас дал знать об этом государю, и тот отвечал ему: "Собери всех мещан к съезжему двору и скажи всем вслух, что государь их пожаловал, велел к ним в Могилев послать из Дубровны окольного и воеводу Алферьева, да солдатского строю полковника с полком, да двух стрелецких голов с приказами; из Смоленска пришлется к ним 300 пуд зелья да 300 пуд свинцу".

И Алферьев должен был начать свою службу в Могилеве жалобой на козаков, только не на одних черкас Золотаренковых. 1 декабря писал он государю: "Могилевцам и Могилевскому уезду была обида большая от козаков, стаеи со всего Могилевского уезда они выбрали все, и как скоро Золотаренковы козаки из Могилевского уезда вышли, то стали делать обиды большие козаки Поклонского полка, лошадей и животину отнимают и платье грабят, стрельцов и солдат в уезде и в городе на карауле по воротам бьют, и от их побоев многие стрельцы и солдаты лежат при смерти, и твоих государевых запасов с Могилевского уезда выбрать не дадут. А полковник Поклонский козаков не унимает, на твою государеву службу нейдет и козаков не посылает; а на той стороне реки Березы ляхи, и от Могилева до реки Березы только 80 верст". Золотаренко отступил в Новый Быхов, не взявши Старого; причину этого неуспеха объяснили быховцы, захваченные в плен: "Когда Золотаренко стоял под Быховым, то быховцы говорили одно: сколько Золотаренку не стоять, а мы ему никогда не сдадимся; сдались ему добровольно гомляне, и он их всех перевязал да отвез к государю под Смоленск. Когда в Быхове узнали, что могилевцы добились челом государю и живут все по-прежнему, то мещане быховские начали между собою толковать, как бы государю добить челом; только шляхта и другие люди, особенно жида, этого не хотели, да и мещане думали сдаться Поклонскому или государевым воеводам, а Золотаренку никогда бы не сдались, потому что ему не верят".

В то время когда черкасы запорожские мешали своим козацким характером успешному ходу дел в Белоруссии, главный предводитель их, Богдан Хмельницкий, с своим войском оставался в бездействии в Малороссии. Подданство этой страны московскому православному государю отозвалось между православным народонаселением турецких областей, возбудило большие надежды. В Москву приходили вести: греки бога молят, чтоб

совокупил христианство воедино и быть бы им под благочестивым христианским государем, только того и дожидаются, как государевы ратные люди Дунай-реку перейдут или Хмельницкий с черкасами выступит, и они тотчас на турок сами встанут и будут над ними промышлять сообща. Но Хмельницкий с черкасами хотя и выступил, по остановился в таборах под Хвостовом. Царь отправил туда 20000 жалованья для раздачи козакам, но Выговский писал (19 июля): "Жалованье царское, червонные золотые, теперь нельзя козакам раздавать, потому что Войско Запорожское не вместе находится, и нельзя составлять списка, доколе бог подаст победу над врагами; теперь больше 100000 войска вышло на рать, а жалованья царского только 20000: если этим разделим, другие забунтуют и на службу государеву не пойдут". В августе Хмельницкий извещал государя, что господарь молдавский и волошский и король венгерский хотят быть под царскою рукою; но Выговский писал боярину Бутурлину, что волохам верить нельзя, потому что они вместе с поляками от Днестра ударили на полк Браславский. Государь не был доволен медленностию гетмана. В августе дворянин Ржевский послан был сказать ему: "Государь сам пошел на поляков, а тебе, гетману, и всему Войску Запорожскому, видя такую премногую государскую милость, и давно было над польским королем промышлять; а крымского хана бояться нечего: от него защищает боярин Василий Борисович Шереметев, да и у тебя, гетмана, в Полтаве и в других местах, куда можно ожидать прихода крымских людей, полки козацкие есть; кроме того, донским козакам велено идти на Крым и татарские юрты разорять". Хмельницкий отвечал, что если б он не боялся хана, то давно бы пошел и теперь выступает по царскому указу. Действительно, он выступил из-под Хвостова, но не помешал полякам свирепствовать в Подолии и Украине, где жители русских городов, защищаясь от врага, ознаменовали себя геройским, но бесполезным мужеством. Вместе с Хмельницким должен был идти московский воевода Андрей Бутурлин, который не был доволен распоряжениями гетмана и писал государю: "Я пошел от Хвостова августа 25-го, а гетман пошел 26-го и настиг меня в Романовке, а в Романовке дал мне вожа и велел идти перед собою, велел меня вести и сам идет за мною с Войском Запорожским пустым местом, черным шляхом, не спеша. 6 сентября мы пришли под пустой городок Бердичев и стояли до 15 числа; ставится он, гетман, от меня особым обозом. Я приезжал к нему много раз и говорил по твоему государеву указу, чтоб шел, не мешкая, в сход к твоим боярам и воеводам, князю Алексею Никитичу Трубецкому с товарищами, под Луцк, жилыми местами; но он мне отказал тем, что со мною ратных людей мало, а о князе Трубецком под Луцком не слыхать, а знает он подлинно, что польский король с гетманом идет против него; также знает он наверное, что польский король крымского хана подкупил, который собирается войною под черкасские города, и ему, гетману, идти против короля и над польскими городами промышлять не с кем. У меня в обозе, продолжает Бутурлин, ратным людям в запасах оскуденье и многие драгуны разбежались и лошадьми опали; а иные драгуны пошли для корму

под польские города без моего ведома, и если гетман будет стоять в пустых местах к зимнему времени или поворотился назад к Чигирину или к Белой Церкви, то комарицкие драгуны и остальные разъедутся и твоей казны, наряду, зелья и свинцу, и всяких пушечных запасов оберегать и везти будет некому". Опасения Бутурлина оправдались: Хмельницкий отправился в Чигирин, оставив московского воеводу у Белой Церкви; комарицкие драгуны, иные с голоду, другие пропившись и проворовавшись, покинули воеводу и разбежались по домам, унимать было их некому, потому что Бутурлин заболел, а товарища у него не было.

Но, действуя медленно против врагов, Хмельницкий извещал царя о вредных замыслах против Москвы в Малороссии. В сентябре приехал к государю уже известный нам грек Иван Петров Тафлары, высвободившийся из польского плена, в который он попал под Берестечком. Грек объявил, что еще в Великий пост перед Светлым воскресеньем присылали на сейм к королю киевский митрополит и другие духовного чина люди двоих чернецов с объявлением, что им с московскими людьми быть в союзе невозможно и они этого никогда не желали; Москва хочет их перекрещивать; так чтоб король, собравши войско, высвобождал их, а они из Киева московских людей выбьют и будут под королевскою рукою по-прежнему. Король написал универсалы, обольщая малороссиян, и духовных, и мирских людей, всякими прелестями. Развозить эти универсалы по Малороссии король поручил ему, Ивану Петрову, но он, взявши универсалы, привез их прямо к гетману Хмельницкому и рассказал ему о присылке митрополита к королю. Богдан отвечал ему: "Знаю я давно об этом и знаю, что делать", - и послал его, Ивана, к государю объявить обо всем. Сначала поляки надеялись на храброго и ловкого козацкого полковника Богуна, который медлил присягою царю. Православный шляхтич Олекшич, желая удержать Богуна на стороне королевской, писал ему: "Твоя милость хорошо ведать можешь, что в эти годы, воюя только сами с собою, мы сильно опустошили свою землю: что же будет, когда столь многие народы войдут в страну нашу? Без сомнения, придет тогда конечная погибель имени православному. Наводит немалую печаль нам и всей братии нашей, от единой крови происходящим и единую церковь восточную материю своею почитающим, когда слышим, что патриарх московский духовным нашим и всему миру христианскому на повиновение себе присягать велит, отступивши от святейшего патриарха константинопольского; мы для этого и с костелом римским унии принять не хотели и пастырю нашему старейшему, которого нам бог дал, не противились".

Так прошел 1654 год. Новый 1655 год начался вестями неприятными с запада. Любовицкие мещане изменили, воеводу Рожнова отдали полякам; оршане отложились и заставы поставили; жители Озерищ связали воеводу и отослали к гетману литовскому Радзивиллу, порубили 36 человек русских солдат, ушло только четыре человека; в Смоленске изменили молодой Соколинский и двое Ляпуновых. Матвей Васильевич Шереметев

разбил наголову князя Лукомского, хотевшего отнять дороги у Витебска; но, с другой стороны, гетман Радзивилл предпринял наступательное движение на русских: 2 января Золотаренко писал из Нового Быхова, прося помочь ему против приближающегося Радзивилла, а 7 января извещал, что он осажден 24000 литвы. Но Радзивилл не стал медлить под Новым Быховым, когда ему представилась возможность овладеть более значительным городом - Могилевом. Он вошел в сношения с Поклонским. Тот, как бы загодя оправдываясь в измене, писал 17 января боярину Василью Васильевичу Бутурлину: "Поддавшись раз царю его милости, изменять не мыслю и посылаю к царскому величеству листы, писанные ко мне Радзивиллом; только надобно скоро людей: одни мы не можем с королем польским воевать, и не надобно бы давать себя ляхам на посмеяние". Скоро после того товарищ Поклонского, Воейков, дал знать князю Трубецкому об измене полковника-шляхтича: "На пятое февраля, за два часа до света, полковник Поклонский государю изменил с могилевскою и других городов шляхтою и с козаками, которые у него в полку были, гетманов Радзивилла и Гонсевского с польскими войсками в большой земляной вал впустил, и теперь я в меньшем земляном валу сижу в осаде с государевыми ратными людьми и с мещанами, которые с нами; было три приступа и под вал четыре подкопа, но подкопами нам ничего не сделали, и теперь мы ждем выручки от вас". Поклонский, оправдывая свой поступок, писал Золотаренку: "Мы в лучшей вольности прежде за ляхами были, чем теперь живут наши; собственные мои глаза видели, как бездельно поступала Москва с честными женами и девицами". К протопопу Нежинскому он писал: "Золотые слова шляхте и городам на бумаге надавали, а на ноги шляхте и мещанам железные вольности наложили; посмотрелся я над кутеинскими монахами, как Москва почитает духовенство и вещи церковные: в церкви престолы сами обдирали и все украшение церковное в столицу отослали, а самих чернецов в неволю загнали; а что с отцом митрополитом и другими духовными делают! Жаль: вместо лучшего в пущую неволю попали". Единомышленникам Поклонского, тем духовным, которым казалось, что попали в пущую неволю, не нравилось поведение могилевских мещан, оставшихся верными Москве. Феодосий Васильевич, архимандрит Слуцкий, игумен Михайловский киевский, писал им, что Хмельницкий и Москва разбиты в пух: "А мы, убогие, с отцом митрополитом и со всеми духовными полагаем надежду на пана гетмана, что даст нам убежище в Литве; только одно нам мешает и поистине всей вере и народу нашему нестерпимую чинит трудность и хлопоты, что паны мещане могилевские не хотят князю его милости (Радзивиллу) покориться".

Призывая к себе козаков, бывших прежде у него под начальством, Поклонский писал: "С Москвою нам не веки жить; знаете, какие мерзости она наделала; Москва едва годится на то, чтоб нам служить, а не то, чтоб мы ей служили; на Украине большая часть полковников от них отлучилась, а нам и подавно отлучиться должно". К мещанам могилевским писал: "Чего вы ждете? Умираете, как псы, а государю своему королю

поклониться не хотите; ждете помощи из Москвы, но скоро услышите, что сделалось с московскою помощью: царь сидит в столице, патриарх убит народом, поветрие людей выгубило, на войну выйти некому, а кто покажется, того наши бьют. Мы от вас не отойдем, а если и отойдем, то выручат вас защитники ваши, так как теперь из Смоленска вывели и шляхту и мещан и послали воевать с калмыками". Любопытно, что Никон почему-то отказался проклясть Поклонского и Василевича.

В то время как эти события происходили в Белоруссии, на юге начались наконец военные действия у Хмельницкого с поляками и союзниками их крымцами: хан Магмет-Гирей, видя большую опасность для себя от соединения козаков с Москвою, счел нужным подкрепить Польшу. Еще в 1653 году, когда разнеслись слухи о том, что козаки поддаются Москве и что государь велел строить гетману города по рекам Осколу и Донцу, на Князь-Ивановом Лугу, то хан написал Богдану, чтоб он сохранил твердо договор с ним, и он, хан, с своей стороны придет к нему на помощь при первой вести о движениях короля; если же гетман и черкасы захотят себе покою, то пусть переходят жить на крымский берег за Днепр и строят себе города; если же правда, что гетман бил челом государю московскому в вечное холопство, то он, хан, снесшись с польским королем, пойдет на черкас войною с большим собраньем. Приближенный ханский, Сефергазы-ага, говорил московскому посланнику Жеребцову, который требовал, чтоб хан обязался не воевать с запорожскими черкасами: "Запорожские черкасы с 800 лет были в подданстве у польских королей, а после того были в подданстве у нас, татар, лет с семь, и мы, крымские люди, проча их себе и чая от них вперед правды и постоянства, за них стояли, с польскими и литовскими людьми бились, и много неповинной крови проливали, и в обиду их никому не давали; в то время запорожских черкас было только 8000, а мы, татары, сделали их с 20000; черкасам то любо, как мы за них стояли и помощь им везде подавали, а гетман Богдан Хмельницкий в то время и меня, Сефергазы-агу, целовал в ногу и хотел быть за нами в подданстве вечно; а теперь запорожские черкасы нам солгали, воровством своим от нас отложились, доброту нашу забыли и называются государевыми. Вы, посланники, ведайте, что эти воры и бунтовщики, запорожские черкасы, и царскому величеству солгут так же, как полякам и нам солгали, а Магмет-Гирею царю того сделать не уметь, чтоб на таких воров войною не ходить и их не разорять; разве у всех крымских и ногайских людей не будет на руках ногтей или глаза их землею загребут, тогда только они запорожским черкасам воровства их и измены мстить не будут".

В январе Хмельницкий вместе с боярином Василием Борисовичем Шереметевым встретился с польским и татарским войском под Ахматовым. Здесь русские в страшные морозы два дня отбивались от превосходившего их числом неприятеля и отступили к Белой Церкви, где находилось другое московское войско под начальством окольного

Федора Васильевича Бутурлина. Украина была страшно опустошена поляками и татарами.

11 марта государь послал в Белую Церковь приказ Шереметеву и Бутурлину быть к себе в Москву, а на их место отправил в Белую Церковь боярина Василя Васильевича Бутурлина и стольника князя Григорья Григорьевича Ромодановского: им велено было вместе с Хмельницким идти под литовские города. Золотаренко по-прежнему стоял под Старым Быховым и в марте писал к государю, что глубокие снега мешают ему подать помощь Могилеву, но снега не помешали козакам взять Бобруйск, Глуск, Королевскую Слободу и истребить их жителей. Когда дороги попросохли, в апреле месяце они двинулись на помощь к Могилеву вместе с московским воеводою Михайлою Дмитриевым; но Радзивилл и Гонсевский не дождались Золотаренка: 9 апреля ночью приступили они к городу, взорвали три подкопа, а четвертый завалился и подавил литовских ратных людей; тут осажденные сделали вылазку и побили много неприятеля. После этой неудачи гетманы 1 мая сняли осаду Могилева и отступили к Березине; Золотаренко возвратился к Старому Быхову; Дмитриев, поговоря с ним, послал к Березине сына своего, Василья, да двух полковников: стародубского Тимофея Аникеева да наказного нежинского Уманца; посланные сошлись с поляками в местечке Толочине и побили неприятеля. Золотаренко писал к Морозову, бывшему в походе при царе дворовым воеводою: "Низко челом бью благодетелю моему: изволь, милость твоя, побить челом его царскому величеству, чтоб повелеть изволил прислать ратных людей своих несколько тысяч к нам, верным слугам своим". Хмельницкому очень не нравилась эта бесславная для козаков осада Старого Быхова; 28 мая он писал брату Золотаренкову, Василью, полковнику нежинскому: "Приятно нам слышать, что особым промыслом вашей милости бог неприятелям дал страх; дай боже их еще лучше победить; только не надобно мешкать под курятниками, как прошлого года; просто надобно идти туда, где голова или где особые полки неприятельские стоят. И прошлого года много бы доброго сделалось, если бы около курятников не замешкались, а то только людей, и наших, и московских, потеряли. Уговаривай и боярина, который там будет начальствовать над войсками царского величества, чтоб без задержки прямо с вами на неприятеля шел, чтоб и этого лета даром не потерять. Промышляйте над головою, а с хвостами после управитесь".

Над головою хотел промышлять сам царь. Новый, 1655 год застал Алексея Михайловича в Вязьме, где он переждал окончания мора в Москве; здесь, как доносили государю, после язвы физической начала свирепствовать нравственная. 15 января царь писал начальному в Москве боярину, Ивану Васильевичу Морозову: "Ведомо нам учинилось, что в Москве в моровое поветрие мужья от жен постригались, а жены - от мужей, а теперь из них многие живут на своих дворах с женами, и многие постриженные в рядах торгуют, пьянство и воровство умножилось. И вы бы велели проведать о том подлинно и к нам отписали тотчас с нарочным гонцом". 19 числа,

уведомляя князя Якова Куденетовича Черкасского об осаде поляками Нового Быхова, царь писал: "Мы пойдем к Москве на малое время, легким делом, оставя все в Вязме; пойдем помолиться образу пресвятыя богородицы, приложиться к мощам, бояр и всех людей обвеселить от печали и, отвезши сестер своих, царицу и детей, назад возвратимся и пойдем против польского короля". Князю Юрию Алексеевичу Долгорукому писал: "Ты бы шел, не мешкая, с князем Алексеем Никитичем Трубецким, также и к друзьям писал наш указ и высылал по местам, чтоб не дать недругу войти в наши города, чтоб его встретить в его земле, до тех пор огонь и тушить, пока не разгорелся, а как разгорится, то уж некогда тушить". 20 января в Смоленск боярину Григорию Гавриловичу Пушкину был послан такой приказ: "Ведомо нам учинилось, что во многих шляхтичах шатость, начали изменять, отъезжать в Литву; и вы бы тех воров, от кого измены чае, велели в тюрьму сажать и высылайте их к нам из города ночным временем, чтоб про то вскоре никому не было ведомо, а если почаете и ото всей шляхты и мещан измены, то всех к нам присылайте, по сколько человек возможно, а если посылать их нельзя и ехать они не захотят, то посылайте в Москву связанных; если же наглой измены или дурна большого от них почаете, то по самой конечной мере велите сечь, кроме жен и детей". Но самое любопытное письмо писал государь 23 января к любимцу своему Матвееву, которого приблизил к себе из дьячих детей: "От царя и великого князя Алексея Михайловича верному и избранному голове нашему Артемону Сергеевичу Матвееву: поздорову ли ты, верный наш раб! А мы, великий государь, в славном граде Вязме дал бог здорово со всеми людьми божиими и нашими; также и в царствующем граде Москве дал бог подлинно утихло и здорово, лишь мы пребываем по-прежнему в тяжестях великих душевных, но не отчаиваемся своего спасения. К сему же что речет великое солнце, пресветлый Иоанн Златоуст: не люто есть спотыкаться, люто, споткнувся, не подняться. Добиваюся зело того, чтоб быть не солнцем великим, а хотя бы малым светилом, малою звездою там, а не здесь... И в том не осуди, что пишу: нечист от греха, потому что множество имею его в себе, а о том зело возбраняет ми совесть писати, что чист от греха: ох, люто тако глаголати человеку, наипаче же мне, что чист от греха! И сему конец; еще же за твою верную службу пишу, что у нас делается.

Посланник приходил от шведского Карла короля, думный человек, а имя ему Уддеудла, таков смышлен, и купить его, то дорого дать что полтина, хотя думный человек; мы, великий государь, в десять лет впервые видим такого глупца посланника. А прислан нароком такой глупец для проведыванья, что мы будем ли в любви с королем? И про то нам подлинно ведомо; а братом не смел король писаться, и мы тому добре ради, и зело от нас страшны они, свияне. А как посланник у нас был, и мы его пожаловали, велели сесть, и он сесть не смел. И Смоленск им не таков досаден, что Вытепск да Полотск, потому что отнят ход по Двине в Ригу. А король в листу своем первом пишет, что вечное dokonчание подкрепить послами да будто, любя меня, прислал обвестить посланника, думного человека: и мы

мним, сколько от любви, а вдвое того от страху; тако нам, великому государю, то честь, что прислал обвестить посланника, а и думного человека, хотя и глуп, да что же делать? Така нам честь! А в другом листу пишет, чтоб не воевать курляндского для его королевской дружбы, а он, курляндский, - ему, королю, друг: и мы отказали тем, что подданный польскому королю, а и обещался нам не помогать королю польскому, а ныне многие курляндские немцы в полон взяты и ныне многих посылает, будто сами нанимаются.

Подлинно Радзивилл да Гасевской пришли под Новый Быхов, а с ними пришло всякого чина 12000, и облегли Новый Быхов в двух и в трех верстах, а на приступ не смеют идти; а сперва языки говорили 100000, а другие сказали 50000, а третьи - 40000, а четвертые - 24000, да подлинно доведались, что 12000, а с Золотаренком всего с 6000 сидит, и он выходил на князя Несвицкого и его побил, и обоз весь взял, и опять возвратился в Быхов. И мы по бояр и по всех ратных людей послали и велели со всеми запасы идти на службу и ставиться по местам бессрочно, потому что время пришло. А мы, великий государь, идем тоже, и не потому, что Радзивилл гордится пред богом и хочет взять Новый Быхов, да Могилев, да Шклов и, взяв, идти к Москве, а король подлинно хотел посылать послов к нам, великому государю, да Радзивилл отговорил: я-де пойду еще отведаю счастья своего и Золотаренка собью, и города отворочу, и под Москву пойду, и король и воротил послов".

Алексей Михайлович исполнил обещание: 10 февраля переехал в Москву, а раннею весною отправился вторично в Смоленск. Надобно было предупредить повторение зла, сделанного в прошлогодний поход, когда ратные люди свирепствовали в Смоленском и других покорившихся уездах, насиловали женщин, убивали мужчин, чтоб не было на них челобитчиков. Государь назначил смертную казнь за такое поведение и торговую казнь господину, который позволит подобные поступки холопу своему. 24 мая государь выступил из Смоленска, обратившись к ратным людям с такою сказкою: "Если король польский не вспомнит бога, не признается к нам, великому государю, в своей неправде и не станет мириться так, как годно богу и нам, то мы, великий государь, прося милости у бога и у пристрашные и грозные воеводы, пресвятые богородицы (которая изволила своим образом и до днесь воевать их Литовскую и Польскую землю, и не могут нигде противу нее стати, ибо писано: лихо против рожна прати), и, взяв на помощь честный крест, за изгнание православной веры будем зимовать сами и воевать, доколе наш владыка свое дело совершит, и как, даст бог, перейдем за реку Березину, то укажем вам всем везде хлеб и животину брать в приставство. И вам бы служить, не щадя голов своих; а деревень бы не жечь для того, что те деревни вам же пригодятся на хлеб и на пристанище; а кто станет жечь, и тому быть во всяком разорении и ссылке, а холопу, который сожжет, быть казнену безо всякой пощады. Если кто побежит со службы или болезнь прикинет, не хотя служить, то быть ему казнену безо всякой пощады. И

вам бы потщиться верою и правдою, от всего чистого сердца, с радостью, безо всякого сумнения, безо всякого ворчания, и переговоров бы о том отнюдь не было: кто скуден, тот пусть милости просит у государя, а не ворчит и не бежит со службы; а кто будет с радостью с нами служить до отпуску, тот увидит, какая ему государская милость будет". Первая милость, какую царь счел нужным оказать служивым людям, состояла в принятии мер против побега от них людей. Еще находясь в Смоленске, 25 апреля государь писал боярину Василью Васильевичу Бутурлину: "В нынешнем году с Москвы и со службы от нас, от многих бояр, и от всяких чинов людей побежали люди, собираются в глухих лесах, а собравшись, хотят ехать к Хмельницкому; к своей братье пишут, будто сулят им черкасы маетности, и многих своих бояр поставили пешими и безодежными. И вы, поговоря с гетманом и перехватав их всех, велите из них человек десять повесить в наших старых городах, в Путивле с товарищи, остальных же, высекиши кнутом, пришлите в Москву и заказ крепкий учините, чтоб вперед черкасы их не принимали".

В начале июня в Шклов приехал к государю Золотаренко и отправлен был за Березину; отряженный им черниговский полковник Попович взял Свислоч: "Неприятелей в нем всех под меч пустили, а самое место и замок огнем сожгли". Та же участь постигла Кайданы, московский воевода Матвей Васильевич Шереметев взял Велиж; боярин князь Федор Юрьевич Хворостинин овладел Минском. 29 июля боярин князь Яков Куденетович Черкасский, соединившись с Золотаренком в полмиле от Вильны, напал на обоз гетмана Радзивилла и Гонсевского; бой длился от шестого часа дня до ночи; гетманы потерпели поражение и бежали за реку Вилию; а русские приступили к Вильне и овладели этою столицею Литвы. Царь стоял в деревне Крапивне, за 50 верст от Вильны, когда прискакал к нему гонец с этим радостным известием. 9 августа пригнали новые сеунчики (вестники победы): Ковно был взят; 29 августа пришла весть о взятии Гродна.

В то же время, в июле, Бутурлин и Хмельницкий выступили в поход и беспрепятственно вошли в Галицию; гетман коронный Потоцкий потерпел поражение подле Гродка; русские подошли ко Львову, но ничего не сделали городу по явному нежеланию Хмельницкого действовать решительно: он взял с осажденных 60000 злотых и удалился от города, а Выговский прямо писал горожанам львовским, чтоб не сдавались на царское имя. Решительнее действовала под Люблином часть соединенного войска, бывшая под начальством Данилы Выговского, брата Писарева, и Петра Потемкина; люблинцы присягнули царю. Московские воеводы одни, без козаков, с двух сторон воевали Литву. В сентябре вышел на судах из Киева князь Дмитрий Волконский; 15 числа пришел он под Туров; туровцы вышли к нему навстречу с образами и присягнули царю. Не останавливаясь в Турове, Волконский отправился сухим путем под город Давыдов; с версту от города встретило его литовское войско и завязало бой; литва была втоптана в город, который запылал, и литва бросилась бежать из него (16 сентября). Победители возвратились к судам своим и поплыли вниз по

реке Горыне к реке Припяти, Припятью шли вверх до реки Вятлицы, от Вятлицы шли сухим путем до города Столина, которого достигли 20 сентября; литва, вышед из города, учинила бой большой, была побита, бежала, город был занят и сожжен русскими. От Столина Волконский возвратился к Припяти, к судам своим, Припятью плыл до реки Пины и 25 сентября достиг Пинска. Литва не пустила русских пристать к берегу, и Волконский должен был высадиться ниже города, у села Пенковичей; после большого бою русские по следам литвы вошли в Пинск и литву выбили. Простоявши в Пинске двое суток, чтоб дать отдохнуть людям, Волконский 27 сентября сжег город и слободы, пошел назад к судам своим и поплыл вниз по Припяти, в селе Стахове разбил отряд литовского войска, привел к присяге жителей городов Кажана и Латвы, и опять Днепром возвратился в Киев, и привел войско в целости: только у одного солдата под Пинском руку оторвало из пушки да двух человек из пищали ранили.

С другой стороны, 23 октября князь Семен Андреевич Урусов и князь Юрий Борятинский пошли с войском из Ковна к Бресту и побили поляков на Белых Песках, в 150 верстах от Бреста. 13 ноября подошли они к этому городу и встретились здесь с новым гетманом литовским - Павлом Сапегою; Урусов потерпел поражение, отступил от Бреста и стал обозом за рекою, но литва выбила его оттуда; Урусов стал в 25 верстах от Бреста, в деревне Верховичах, Сапега обошел его и тут, дорогу и воду отнял и двое суток держал в осаде, требуя, чтоб все войско сдалось ему; Урусов не согласился и вступил в битву, которая окончилась блистательным торжеством для него: поразив литву наголову, русские гнали ее шесть верст, взяли четыре пушки, 28 знамен. После этого дела Урусов и Борятинский пошли к Вильне. Между этими воеводами и полчанами их было сильное неудовольствие. Новгородские дворяне и дети боярские били челом на Урусова, что, сказавши им государев указ выступить из обоза, из Подберезья в Вильно и дальше в Ковно, приказал им приготовить всем полком хлебных запасов на корм ратным людям, которые стояли в Ковно. Они, дворяне, подали за руками челобитную, что им этого хлеба и своих запасов, и конских кормов везти с собою в Ковно невозможно. Урусов вышел из шатра и, не принявши челобитной, бил их булавою и стрельцам велел бить их ослопьем до умертвия, а иных челобитчиков велел бить кнутом на козле без пощады. Они докладывали ему о полковых и расправных своих делах; боярин, не выслушав их челобитья, бранил их... и бил булавою, и ослопьем, и кнутом, и плетью без пощады, не учиня никакой расправы и сыску, говорил им, будто указал государь, выбрав из них лучших людей, вешать, а иных бить кнутом, тогда как они перед государем вины своей никакой не ведают. Все это воевода мстит им прежнюю недружбу, потому что они били челом на него царю Михаилу Феодоровичу, а иным мстит за новгородскую недружбу. Узнавши, что у кого-нибудь из них есть пленники, воевода присылал друзей своих с стрельцами и сам выбирал лучших девиц и женщин, брал к себе силою и, подержав у себя, отсылал в Великие Луки на государевых подводах. Посылал голов с сотнями за лошадьми и часть приведенных лошадей взял

себе, других роздал тем, к кому добр, остальных послал к государю в Вильну. Идучи дорогою, заставлял служивых людей ловить рыбу из прудов, выпусти воду. Приказал идти под Брест наскоро с вьюками, а дорогою свои и конские кормы и людей в плен брать: они, дворяне, услышав государеву милость, забыли свои великие нужды и бесконство, на государеву службу пошли с радостью, но, как только перешли реку Неман, Урусов и Борятинский запретили им под смертною казнию брать что-либо у жителей, а сами воеводы в благочестивых христианских церквах утварь, в костелах, по местечкам, в панских маетностях, в мещанских дворах всякую казну грабили, колокола, лошадей, кареты, органы брали и, отягчась добычею, шли под Брест очень медленно, а их поморили голодною смертию. К Бресту пошли воеводы скорым походом, а от Бреста за пять верст через реку и болота мост большой и худой, за которым стояли роты литовских людей. Воеводы велели за мост перебраться наскоро; литовские люди, пострелявшись, от мосту побежали к Бресту, а из русских многие за теснотою по мосту перебраться не успели, людей дворянских с простыми лошадьми по мосту не пропустили; наряд, казну и пеших людей воеводы велели оставить за рекою у моста, а в Брест послали атамана пана Свяцкого и козака, и приказал им Урусов занять себе двор, потом, не сождавшись со всеми ратными людьми, пошел за мост к Бресту с небольшим отрядом. Литовские люди присылали из города с просьбою съехаться и говорить о добром деле, но воеводы, не сказавши служилым людям ничего про битву, велели задор учинить луцким козакам, произошла битва, и вследствие такого нестройства и безвестного боя государевых ратных людей многих побили, ранили и в плен взяли, и животворящий крест, который от государя был дан, достался врагу. Из-под Бреста отошли они ночью за реку в обоз, а поутру пришли к ним литовские люди и начали по ним из наряда стрелять; воеводы пошли от них в отход и пришли в деревню Верховичи; литовские люди дорогу у них отняли, и воеводы велели отступать другою дорогою; но они, служилые люди, говорили, что им за реками и топкими болотами в отход нейти, мосты худые и разметаны и на засадах много неприятелей, пусть воеводы велят им с литовскими людьми биться, вышли на бой с своими людьми и литовских начальных людей многих побили конных, а пеших побили без остатка. Урусов на бою лошадей и платья у литвы брать им не велел, сказал, что все будет на *черный пай*. Воеводы брали у шляхты подарки, что у кого полюбится или где что проведуют, и многие из шляхты, узнав, что берутся подарки большие, государю не присягали. Урусов не по нужде в постные дни ел мясо, их, дворян, бесчестил, называл неслугами и небойцами, а на самом у Бреста и сабли не было, в Верховичах, испугавшись пушечной стрельбы, с бою уехал и государево знамя с собою увез. Урусов и Борятинский отвечали, что запретили грабить жителей, когда шляхта поддалась и дала аманатов; сами нигде ничего не грабили, против Бреста действовали враждебно, ибо оттуда прислали им сказать, что Брест принадлежит шведскому королю; дворянам о предстоящей битве давали знать, задираться не приказывали, и когда начался бой, то дворяне правой стороны подержались, а левой

побежали и воевод выдали; под Брест идти дворяне отказались; лошадей и платье брать у неприятеля на бою не запрещали; у шляхты брали подарки, но и сами отдаривали; сабля на Урусове всегда была и боя никогда он не оставлял.

Урусов завязал дело под Брестом в то время, когда уже шли деятельные мирные переговоры. Гетман польный литовский Гонсевский прислал к князю Якову Куденетовичу Черкасскому с вопросом: изволит государь с королем мирное постановление учинить? Государь послал к Гонсевскому любимца своего - стольника Федора Михайловича Большого-Ртищева. Посланный нигде не нашел Гонсевского, посаженного, как ему сказали, под стражу Радзивиллом, а в Бресте в конце сентября нашел нового гетмана литовского - Павла Сапегу, назначенного на место Радзивилла. Ртищев объявил Сапеге, что государь соизволяет на мирное постановление. Сапега отвечал, что он именем всего собрания бьет челом великому государю, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу, о покое, покорно бьет челом за объявленное пожалование христианское. Ртищев, как посланный к Гонсевскому, а не к Сапеге, не объявил последнему присланных с ним мирных условий, говоря: "Что один начал, другой не может совершить потому: что человек, то разум". Он требовал, чтоб Сапега объявил ему свои мирные условия; тот отвечал, что им трудно дать статьи, не доложив королю. Положили до съезда великих послов прекратить неприятельские действия с обеих сторон. Ртищев привез к государю от Сапегы посланника Глядовицкого, с которым велено говорить о делах околичному князю Семену Романовичу Пожарскому да думному дьяку Лопухину. Глядовицкий от имени гетмана Сапегы и сенаторов бил челом, чтоб государь 1) велел кровь утолить; 2) велел назначить место, куда король тотчас отправит послов своих; 3) удержал от войны гетмана Хмельницкого и киевских воевод; 4) чтоб шляхте и другим людям вольно было на пепелища свои возвратиться; 5) чтоб учинена была размена пленных. Принявши статьи, Пожарский сказал посланнику, чтоб он, когда будет у государя, отнюдь не называл Сапегу гетманом Великого княжества Литовского, а если назовет, то его вышлют с великим бесчестьем и отпуску ему не будет: так он бы гордость свою отложил, да и то ему говорено, за какие гордости смирил бог короля их и панов радных, как посылаемы были от великого государя великие и полномочные послы и посланники к королю, и король ни в чем не исправился, и за то, сами видите, как бог его смирил: покинувши все, с немногими людьми убежал в венгерские горы, но и там ему места нет; сенаторам бы вашим и вам всем давно поискать государственной милости, ехать самим к великому государю и милости просить не пересылкою. "Ты говоришь, что королю присылать о мире к государю, но где вашего короля сыскать?" Глядовицкий отвечал: "Воля божия совершилась; кто бывает на коне, тот бывает и под конем, а уж без пана нам не быть, не тот пан, так другой". Пожарский: "Время вам бить челом великому государю, а не искать другого государя, и великий государь вас пожалует каждого по вашему достоинству; скажи нам последнее: как тебе гетмана назвать?" Глядовицкий: "Изговоря государственное именованье и

титло, скажу: посланный от Павла Сапеги, гетмана великих войск литовских". Пожарский: "Говори: гетмана великих войск, *алитовских* говорить тебе непристойно". Глядовицкий не согласился. 25 ноября он был у бояр и думных людей. Бояре отвечали Сапеге и сенаторам: "Вы в своей грамоте просите нас бить челом за вас великому государю, а Яна Казимира, короля польского, пишете великим князем литовским, и гетман подписался гетманом Великого княжества Литовского; но вам подлинно известно, что даровал бог великому государю нашему взять у его королевского величества всю Белую Русь и стольный город Вильну, и государь наш учинился на всей Белой России, и на Великом княжестве Литовском, и на Волыни, и на Подолии великим государем. Вам так писать непристойно; лучше бы вам просить милости у его царского величества и быть под его высокою рукою, а государь веры, прав и вольностей ваших нарушить ни в чем не велит". То же писал и сам царь Сапеге. Если великий государь царь хотел быть великим князем литовским, то великий государь патриарх был честолюбивее: 29 июля он писал Алексею Михайловичу, чтоб тот не только оставил за собою Вильну, но доискивался Варшавы, Кракова и всей Польши, 1 сентября прислал он государю благословение писаться великим князем литовским.

Но, в то время как Алексей Михайлович считал несомненным, что все завоевания его останутся за ним, и называл себя всея Великия и Малыя и Белья России самодержцем, литовским, волынским и подольским, явился ему опасный соперник: то был не Ян Казимир польский, но энергичский преемник Христины шведской, Карл X Густав. Видя затруднительное положение Польши, он напал на нее под пустыми предлогами и овладел всею Великою Польшею, которая признала его своим королем; потом овладел Варшавою и Краковом; Ян Казимир бежал в Силезию. Но Карл X не хотел довольствоваться одною Польшею: он обратил свои взоры и на Литву, где гетман Радзивилл, потерявши Вильну, поддался шведскому королю, к чему особенно склоняло его единоверие: Радзивилл был протестант; принимая под свою руку Радзивилла и других панов литовских. Карл обещал возвратить им все их владения, занятые русскими. Легко понять то раздражение, какое обнаружилось против шведского короля в стане царя московского. Еще в июле приехал к царю в Смоленск шведский посланник Розенлинд и подал грамоту, в которой король извещал о начатии войны с Польшею, потому что Ян Казимир в грамоте своей писал короля шведского не по достоинству и чинил ему убытки, сколько ему возможно; поэтому королевское величество причину имеет с оружием на Яна Казимира наступить и достать его земли, которые поближе к Швеции; ожидает король, что такие его достойные умыслы у царского величества хорошо приняты и истолкованы будут, ибо клонятся к тому, чтоб стоять против недруга, который с своими помощниками ищет обоим государям, и московскому, и шведскому, вреда и разорения. Царское величество изволил бы указать своим боярам и воеводам с шведскими генералами всякую дружбу держать. Царь отвечал: "За многие злые неправды к нам королей Владислава и Яна Казимира дал бог нам взять всю

Белую Русь и многие воеводства, города и места с уездами Великого княжества Литовского, да наш же боярин Бутурлин с запорожским гетманом Хмельницким в Короне Польской, на Волыни и в Подолии, побрал многие воеводства, города и места, и мы учинились на всей Белой Руси, и на Великом княжестве Литовском, и на Волыни, и на Подолии великим государем". Этим царь ясно показывал, чего Карл не должен был трогать, если хотел остаться в мире с Москвою.

Тщетные предосторожности! Столкновение было необходимо. Радзивилл величал себя великим гетманом шведского короля и Великого княжества Литовского, воеводою виленским. 18 августа отправлен был к нему дворянин Лихарев. Он нашел гетмана под Кайданами и говорил ему: "Писал ты к боярам царского величества и в грамоте своей написался шведского короля и Великого княжества Литовского великим гетманом, виленским воеводою. Царского величества бояре и воеводы удивляются, что ты так написал, потому что Великое княжество Литовское и город Вильна никогда не бывали за шведским королем. Вильна была польского короля, а за его неправды взял этот город государь наш, и теперь Вильна и литовские города за государем нашим. Так ты даришь шведского короля чужим, а у государя нашего с шведским королем вечное dokonчание. Ближний боярин и воевода - князь Яков Куденетович Черкасский велел тебе говорить: если ты хочешь быть виленским воеводою, то поищи государской милости к тебе и будь в подданстве у царского величества: государь тебя пожалует гетманством литовским, воеводством Виленским, всеми твоими маестностями, да, сверх того, пожалует тебя великим своим царским жалованьем, а вольности вашей и веры нарушить не велит". Радзивилл отвечал: "Хотим мы быть у великого государя в подданстве, но посланцев наших задержали, и в уезде около Вильны ратные государевы люди крестьян, женок и малых ребят посекают всех и дома палят; видя, что посланцев задержали, а польский король нас покинул, я отдался в подданство шведскому королю". Гонсевский отвечал: "Государь показал бы милость, взял у польского короля к своему краю что хочет, а нас под польским королем не трогал". В другое свидание с Лихаревым Радзивилл сказал: "У нас мысль наша вся розно пошла, у всех наших людей мысль врознь". Сношения с Радзивиллом начаты были вопреки желанию Никона, который 19 июля писал государю: "Радзивилла не призывать: его и так бог предаст".

В сентябре князь Яков Куденетович Черкасский отправил дворянина Нестерова к шведскому генералу, графу Делагарди, который дал знать боярину, что город Друя сдался шведам. Нестеров доносил: шляхта, которая поддалась шведскому королю, тужит и говорит: "Не знаем, как вперед будем жить, не привыкнуть нам жить в подданстве у шведского короля, мы шведского языка не знаем, а шведы нашего языка не знают, к русским же людям были мы привычны: с ними жили вместе и язык у нас один был". Представленный Делагарди, Нестеров говорил ему: "Тебе известно, что в 1654 году боярин Василий Петрович Шереметев взял

города Друю, Дрису, Глубокое и людей привел ко кресту служить великому государю; а теперь Друю заняли шведы! Шведы приходят также к Ковно, занятому русскими; Радзивилл пишется воеводою виленским и гетманом Великого княжества Литовского, тогда как Вильну бог дал великому государю нашему. А когда в 1654 году московские воеводы пошли было на владения курляндского князя и шведский король прислал просить государя, чтоб курляндского князя не воевать, то государь его просьбу исполнил". Делагарди отвечал: "Если по сыску окажется, что русские прежде шведов заняли Друю и Дрису, то король за эти города стоять не будет, а без ведома королевского я об них ничего решить не смею. Не знаю, как шведы приезжали в Ковно, а если и приезжали, то царским людям вреда не сделали. С Радзивиллом я увижусь скоро и буду ему говорить, чтоб он воеводою виленским и гетманом не писался". Делагарди обещался также освободить всех московских пленников, находившихся у Радзивилла. Но эти учтивости не помогали; скоро явилась новая причина к досаде: узнали, что Карл переписывался с Хмельницким и Золотаренком.

Но чем сильнее было раздражение против шведов, тем охотнее склоняли слух к предложениям мира с Польшею, истерзанною, бессильною, уступчивою и неопасною. В октябре явились в Москве давно небывалые гости, цесарские послы Аллегретти и Лорбах. Опасно было для Австрии падение союзной католической Польши и усиление на ее развалинах враждебной, протестантской Швеции, и вот Фердинанд III поспешил явиться посредником между царем и Яном Казимиром, чтоб освободить Польшу от московской войны и, если можно, обратить царское оружие против Швеции. С самого приезда в разговоре с приставами послы уже начали толковать о коварстве шведов, о необходимости мира с поляками и всеми средствами задабривать русских, льстить им, зная, что каждое слово, сказанное приставам, будет донесено царю. "Едва ли бог потерпит шведам, - говорил Аллегретти приставам. - Не дождавшись исхода перемирных урочных лет, они напали на поляков в то время, когда царское величество изволил наступить на Литву с своими ратными людьми. Издавна у шведов такой лукавый умысел, что они нападают на того, кто бессилен. А нам известно, какие неправды польского короля Яна Казимира к царскому величеству; поляки уклонились на гордость и никакого исправления во всех неправдах не учинили". Но потом Аллегретти начал делать намеки на то, что надобно защищать только свое, а не желать чужого: "У цесарского величества была война с Шведским королевством и с иными государствами тридцать три года, с обеих сторон людям учинилась погибель великая, государствам запустение и убытки; но сколько война ни велась, теперь успокоена миром, и стало это богу любо и людям годно. За правду стоять надобно, это не грех пред богом, но кто чужого захочет, то, думаем мы, это не будет прочно вперед". Боясь, однако, рассердить этим намеком, Аллегретти поспешил прибавить: "Мы это говорим с вами не договором, беседною речью, по приятельской дружбе". Потом Аллегретти начал речь о необходимости всем христианским государям соединиться

против неверных: "Мне случилось быть в Царе-граде у турецкого султана в послах от короля испанского, и видел я там, как татары продают русских и поляков в работу. Прослезился я, видя, что такое мучение чинили христианам. Мы надивиться не можем, как такие великие государи до сих пор терпят бусурманам? Мало того, что продают христиан в работы, на каторги: псы, ведомые враги божии, жида покупают младенцев и в жидовство приводят! Как можно христианам терпеть такие злые беды и досады?" Приставы возразили: "Крымские татары берут много людей и из немецких государств, также продают в работы и на каторги". Аллегретти отвечал: "Дай, боже, нам слышать и видеть, чтоб совокупились христианские государи, бусурман покорили и власть их разорили". Въезжая в Москву, послы удивлялись церковному строению, хвалили *стройство* ратных людей; но не понравилось им на квартире, хотя и велено было в ней поставить столы и скамьи, перекрыть горницу, которая капала, послать 10 тарелок оловянных да 36 тарелок деревянных. Аллегретти говорил приставам: "У нас послам отводят жилые дворы, на дворах постели и одеяла изготовлены бывают стройные, скатерти и сосуды всякие, все готовое. Мы, думая, что и у царского величества будет нам так же, постели и сосудов с собою не взяли, и теперь нам без них быть нельзя". Приставы отвечали: "У великих государей наших того не повелось, чтоб ставить послов на посадских дворах, для них устроены посольские дворы, а сосуды всякие и постели послы привозят с собою".

В ноябре возвратился из похода государь и имел торжественный въезд в Москву: пришедши на Лобное место, Алексей Михайлович поклонился образу, поцеловал крест из рук патриарха, указал спросить о здоровье весь мир, всех, которые стояли тут, около Лобного места; весь мир в землю челом ударил и царскому величеству многолетствовали. 15 декабря Аллегретти с товарищами представлялся государю, которому поднес в двух стеклянках миро чудотворца Николая, два кувшинца золотых с жемчугами, две обьяри цветные, обьярь серебряную, часы золоченые, две коробки аромату, две коробки сахара составного. 17 числа послы были в ответе у бояр - князей Алексея Никитича Трубецкого, Григорья Семеновича Куракина, Юрья Алексеевича Долгорукого. Аллегретти говорил: "Цесарское величество прислал нас к царскому величеству поздравить великого государя на его преславных государствах и обновить прежнюю дружбу предков. Царское величество желает и того, чтоб укротилось кровопролитие между царским величеством и королем польским, и оружие их обратилось бы на общих христианских неприятелей, на бусурман. Всякой войне бывает конец - мир, а к миру приводят посредники, и если царское величество не изволит заключить мир с польским королем посредством цесарского величества, а потом заключит мир посредством другого какого-нибудь государя, то цесарскому величеству будет это бесчестье". 20 декабря был другой съезд, на котором бояре отвечали послам, что государь принимает в любовь доброхотный совет цесаря и для братской дружбы к нему соглашается на мир с Польшею, но требует, чтоб ему немедленно дано было знать, на каких

статьях быть миру, потому что у государя войска собраны многие и без дела держать их убыточно. Послы отвечали, чтоб государь назначил пограничное место для посольского съезда, они дадут знать об этом императору, а тот в свою очередь даст знать королю Яну Казимиру, и что пересылка эта больше двух месяцев не продлится. Бояре спросили: где теперь король Ян Казимир, паны радные при нем ли и нет ли между ними розни? Аллегретти отвечал: "Король Ян Казимир еще не сгинул, а при нем есть и паны радные и Речь Посполитая; теперь он стоит от Кракова близко, в Силезии. Цесарь с ним в близком свойстве - брат двоюродный, а что теперь отстали от польского короля Радзивилл да подканцлер Радзиевский, и это дело небольшое: тут не вся земля. А которые вместе с ними поддались шведскому королю, то дело это не может надолго состояться, потому что у поляков владеют всем сперва духовные люди, и им, католикам, с лютеранами и кальвинами как ужиться? И папа, и цесарь, и короли испанские и французский, и другие государи католической веры вступятся и самой вере сгинуть не дадут. Хотя теперь король польский и Кракова лишен, но и Москва была за поляками, а потом русские люди собрались и поляков из Москвы выгнали".

На съезде 24 декабря бояре спросили послов: "Если шведы Польшею завладеют, то цесарь польскому королю будет ли помогать против шведов?" Аллегретти отвечал: "Если польский король будет в крайности, т. е. если царское величество помириться с ним не изволит и цесаря в посредники не возьмет, то за польского короля не один цесарь, но и папа, и французский, и другие государи двинутся". Потом Аллегретти спросил: "Хмельницкий царскому величеству верен ли и вперед от него шатости в какую-нибудь сторону не чаять ли?" Бояре спросили: "Зачем он это спрашивает?" Посол отвечал: "У шведов речь несетя, будто Хмельницкий хочет поддаться под шведскую корону". Бояре отвечали: "Черкасы никогда от царского величества не отступят, нельзя этому быть".

В Москве хотели удостовериться, действительно ли Ян Казимир еще имеет какие-нибудь средства, узнать, как велика может быть надежда для царя удержать не только Великое княжество Литовское, но приобрести и Корону Польскую. В феврале 1656 года отправлен был дворянин Лихарев к литовскому гетману Павлу Сапеге и коронным - Станиславу Потоцкому и Станиславу Лянцкорнскому. В апреле Лихарев нашел Сапегу в Люблине, который по уходе русского войска занят был шведами, а теперь сдался литовскому гетману на имя Яна Казимира. На слова Лихарева, призывавшего его под высокую руку великого государя, Сапега отвечал: "На государевом жалованье челом бью: если бы я не слыхал про пана своего короля, если б он к нам не вернулся, то я бы со всею литвою к царскому величеству пошел в подданство; не мы его покинули, а он нас покинул. А теперь слышу, что он к нам возвратился, приехал во Львов и идет на шведа, так я своего пана короля, своей веры и своего сапежинского дома и права не могу покинуть, изменником быть не хочу; государь же меня назовет изменником, скажет: изменил ты королю, изменишь и мне;

скорее горло свое дам, а так не сделаю. Княжество Литовское все хотело к царскому величеству, но Урусов нас задрал и дома наши запустошил. И теперь все княжество Литовское хочет миру с государем, а Польша хочет больше мира с шведским королем". Из Люблина Лихарев поехал во Львов. Здесь Потоцкий дал такой же ответ: "Неслыханное дело, чтоб королю покинуть государство свое или нам от него отступить: он тут родился, природный государь нам, на время отъезжал да и опять приехал".

Но в то время как Лихарев вел эти переговоры с гетманами, в апреле приехал в Москву польский посланник Петр Галинский. Государь указал посольскому думному дьяку Алмазу Иванову ехать к Галинскому и расспросить, с чем он приехал? Посланник объявил, что он привез статьи, на которых становить мир между королем и великим государем, и если царское величество согласится, то должен быть назначен пограничный съезд уполномоченных для окончательного постановления. Да он же, посланник, должен объявить о замыслах шведского короля против Московского государства: Карл X не только обещал Радзивиллу с товарищами возвратить земли, занятые царскими войсками, но и хотел идти с войском прямо под Москву, обещал, что из Смоленска ни один кирпич не пропадет; все эти договоры и обязательства за рукою и печатями короля и графа Магнуса Деллагарди у короля Яна Казимира и у полковников есть, и с этих подлинных листов присланы с ним, Галинским, списки. Без представления государю Галинского позвали в ответ к окольному Богдану Матвеевичу Хитрову и дьяку Алмазу Иванову, несмотря на то что посланник со слезами просил позволения сперва поднести королевскую грамоту самому царю. Галинский объявил следующие статьи: 1) король желает мира; 2) чтоб государь уступил королю все завоеванное. На замечание, что это дело нестаточное, Галинский сказал: "Если мало попросить, так незачем и уговору быть, а как много попросить, так есть из чего убавить, а все это в воле великого государя". Галинский больше всего старался произвести раздражение против шведов. "Королю и народу, - говорил он, - не так досадно на царское величество, хотя у них государство опустошено, как досадно на шведов, которые, видя их упадок и разоренье, не выждав перемирных семи лет, напали на них невинно и, сговорясь с еретиками венграми, разоренье сделали большое; мириться со шведами король и сенаторы без воли царского величества не будут, в том я дам письмо за своею рукою".

После этих объяснений Галинский был представлен государю и позван в другой раз в ответ к тем же Хитрову и Алмазу. Дьяк объявил, что хотя великому государю за многие грубости и досады к миру склонности учинить и не довелось, однако по прошенью цесаря Фердинанда на то изволяет. Галинский дал запись, что король без воли царской, до съезда великих послов, со шведским королем мириться не будет; Хитров же со своей стороны объявил, что если шведский король докончанье нарушит и на царские города наступит, то государь отпор ему давать велит. Условились, что до посольского съезда, который должен быть в одном из

пограничных городов, с обеих сторон неприятельские действия прекращаются. С этим Галинский и отправился из Москвы.

Отправлены были и австрийские послы: 25 апреля им было сказано, что 27 числа они будут у государя на отпуске и у стола, а отпуск им будет потому, что посланы от государя и от них гонцы к цесарю, положен им срок приехать к первому маю, май месяц близко, а про гонцов и вести нет; великому государю дожидаться нельзя, в первых числах мая он идет на своего неприятеля со многими войсками, и потому им, послам, теперь делать нечего; если же цесарь изволит для посредства прислать других послов, то те послы будут у царского величества в походе. Тщетно послы возражали, что отпуска не примут, потому что гонец их не бывал, а, не дождавсь гонца, ехать им к цесарю не с чем; тщетно били челом, чтоб государь взял их с собою в поход; им объявлено, что государь идет в свои новопринятые города, в Великое княжество Литовское, что посольский съезд будет в Вильне и никак не раньше последних чисел июля или первых августа, и потому им, послам, ждать долго, а в поход за царским величеством идти непристойно. Послы спрашивали: куда царскому величеству из литовских нововзятых городов поход будет? Думный дьяк отвечал: "Нам царского величества мысль ведать нельзя, да и спрашивать о том страшно". На это Аллегретти сказал: "У испанского короля однажды войска многие были изготовлены и корабли воинские; спрашивали у него ближние люди: куда он эти корабли и войско изготовил? Король отвечал: что у него сдумано, того им ведать ненадобно; если б он ведал, что рубашка его думу знала, то он бы ее сейчас в огонь кинул".

Отправлены были послы польский и австрийские, но оставались в Москве шведские, приехавшие еще в декабре 1655 года для подтверждения Столбовского докончания. Послы эти были: Густав Белке, Александр фон-Ессен и Филипп фон-Крузенштерн. С самого начала послы должны были увидеть, что Столбовское докончание не будет подтверждено. В ответе 17 января 1656 года послы сказали боярам: "Польский король хотя теперь, кажется, и пропал, только у него друзей много, которые с ним одной римской веры; они, надобно думать, за него вступятся, чтоб вера их, римская, не погибла; так царское величество изволил бы с государем нашим королем на этого общего неприятеля соединиться и укрепиться и стоять на него сообща: оберегаться от него надобно гораздо, чтоб за него иной какой недруг не встал и ссоры и лиха какого не учинил да чтоб царское величество изволил послать к королевскому величеству своих послов". Начались споры за новые титулы: "Белой России, литовский, волынский и подольский", которых послы не хотели давать государю, отговариваясь новостью дела, своим незнанием об нем; особенно же казались послам *сомнительны* титулы: "восточного и западного, и северного", потому что владения королевские, говорили они, сходятся с владениями царского величества. На вопрос послов, зачем государь так начал писаться, бояре отвечали: "За великим государем нашим в тех странах государства есть: на востоке - царство Казанское и Астраханское, а

на западе и севере - Сибирское царство и иные многие города и места". Бояре объявили решительно, что без грамоты, в которой вполне будут написаны царские титулы, не станут подтверждать вечного dokonчания; не скрывали и главной причины неудовольствия. "С королевской стороны, - говорили они, - делается многая неправда к нарушению вечного dokonчания: когда великий государь ходил на польского короля своею парсуною и многие земли взял, а другие хотели добить ему челом, в то время государь ваш, видя, как Польша и Литва под государеву высокую руку мало не все клонятся, не обославшись с царским величеством, пошел в польские города войною и у царских ратных людей от Полоцка дорогу велел перенять, и под которыми городами царские ратные люди стояли и на время по прошенью осадных сидельцев поотошли, королевские ратные люди, обольстя осадных сидельцев, те города взяли и, приезжая в уезды, занятые царскими войсками, берут всякие запасы самовольством; города, покорившиеся царскому величеству, переживают на свою сторону, бесчестя государя и все Московское государство; Делагарди писал к полякам, переживая их на шведскую сторону с устрашеньем, и в той же грамоте царское величество написал неприятелем". Послы по настоянию бояр отправили гонца к своему королю, чтоб позволил переменить грамоту, написать в ней новые титла царские. Послы жаловались боярам: "Которые поляки поддались было королевскому величеству, и тех поляков они видели в Москве, и государем они пожалованы". Бояре отвечали: "Кто царского величества милости поищет и к государю приедет, тех царское величество жалует. Ведомо царскому величеству учинилось, что королевское величество ссылается с подданными царскими, с гетманом Богданом Хмельницким и с Васильем Золотаренком, призывает их к себе в подданство, отводя от высокой руки царской". Бояре показали и грамоту королевскую к Золотаренку. Послы, посмотрев грамоту, сказали: "Переведена грамота не прямо: говорите, что король призывает Золотаренка в подданство, а король только призывает его к себе на помощь на общего недруга; а к Хмельницкому посылал король для того, что они сами королевскому величеству били челом в подданство и приказывали говорить: если король их не примет, то они опять поддадутся польскому королю. Но король и не мыслит принять их в подданство, писал к Золотаренку, чтоб подождал указа и никуда не ходил, а к Хмельницкому писал, чтоб козаки полякам не поддавались". Бояре: "Грамота переведена справливо: король пишет Золотаренку, что за его службу, за искание королевской милости похваляет, а Золотаренко писал к королю, поддаваясь ему нарочно, изведывая, какова королевская дружба к царскому величеству, и когда король его грамоту принял с радостию и отвечал с похвалою, то Золотаренко грамоту королевскую для обличенья неправды тотчас к царскому величеству прислал. Великое княжество Литовское бог дал царскому величеству, и королю в поветы великого княжества вступаться не довелось: королевскому величеству бог поручил в Короне Польской взять Краков и Варшаву в то время, как от царских ратных людей польские и литовские люди изнемогли; а когда польские и литовские люди

были в целости, тогда король на них не наступал. И если король, забыв это, велел захватывать царские города и поветы, то хотя и малые места неправдою захватили, однако за малые придется отдать большие". Послы возражали, что о таких ссорах можно послать сыскать и дело исправить бесспорно, но бояре прямо указывали на необходимость войны: "Этого дела вершить нечем, кроме того, что за малые места отдавать вам большие места".

Чтоб заставить шведов за малые области отдать большие, царь хотел вооружить против Карла X Данию. В марте был отправлен туда стольник князь Данила Мышецкий, который объявил королю Фридриху III, что шведский король Карл Густав, услышав царского величества промысл над польским королем, видя поляков в большом утесненье, прислал тут же со стороны и, не обославшись с царским величеством, в то же время на польских людей войною наступил безвестно, у царских ратных людей в войне путь перенял и стал привлекать польские города на свою сторону, притворяясь союзником царского величества; шведские генералы перешли в области, занятые царскими войсками, за Неман и Вилию, с жителей, поддавшихся царю, собирают стаеи и налоги чинят; король посылает грамоты к запорожским черкасам, презывает их от царя к себе в подданство, обещал покорившимся ему литовцам возвратить им все завоевания царские. "Великому государю известно, - говорил Мышецкий Фридриху III, - что и вашему королевскому величеству с шведской стороны многие неправды; шведский король всякими мерами промышляет, чтоб ему Варяжским морем всем одному завладеть, в торговых промыслах всем большое утесненье сделать: время теперь пришло вашему королевскому величеству промысл над ним учинить и с великим государем нашим соединиться". Фридрих отвечал, что отправляет к государю своего посла. В то же время отправлен был стольник Алфимов к шведскому королю с выговором за неприязненные поступки в Литве. Карл X отвечал уверениями в дружбе, писал, что неприязненные столкновения случились не по его приказу, начальные люди поступали самовольно, обещал разыскать виновных и наказать их. Но эти уверения и обещания не могли остановить войны уже решенной, и это решение не могло долго оставаться тайною.

В мае Белке сказал думному дьяку Алмазу Иванову: "Вести носят в миру, будто царское величество хочет на Шведскую землю наступить войною". Дьяк отвечал: "Если такая молва в людях и есть, то говорят это глупые люди, и таких пустых речей не переслушать; а со стороны короля явная неправда: договариваясь с Радзивиллом, обещал он все имения литовских панов, которые теперь у царского величества, возвратить назад". Ответ не мог успокоить послов, тем более что с ними стали обходиться дурно. 11 мая Белке прислал жалобу: "Запрещают нам ходить в город и в Немецкую слободу, людей наших и слуг держат, как пленных, не пускают со двора более четырех человек разом, не велят ходить со шпагами; о том же нечего и говорить, какое нам потчиванье в корму бывает". На жалобу эту послал

отвечали: "Говорено вам было много раз, что со стороны королевского величества делаются многие неправды к нарушению вечного dokonчания; для исправления этих неправд послали вы к королевскому величеству секретаря, и тот секретарь до сих пор назад не бывал; потом отправлен к королю царского величества гонец, и тот задержан: поэтому видно, что королевское величество начинает и ищет того, чтоб учинить вечному dokonчанию нарушенье, да и, кроме того, многие с королевской стороны неправды, и теми неправдами вечное dokonчание нарушено с королевской стороны". 17 мая велено объявить послам, что мирное dokonчание нарушено с шведской стороны, велено их перевести с посольского двора в Замоскворечье, корм давать против прежнего третью долю, но потом последнее приказание было отменено.

Между тем 15 мая государь уже выехал из Москвы; отряд войска под начальством Петра Потемкина отправлен был для занятия берегов Финского залива, туда, где только спустя полвека суждено было русским стать твердою ногою; Никон, по обычаю своему, захватывал далеко: 25 мая он писал государю, что к Потемкину отправлены донские козаки, которых он, патриарх, благословил идти в Стокгольм и в другие места морем: знаменитых громителей берегов Черноморских хотели употребить для той же цели на Балтийском море! 30 июня Никон уведомил государя о взятии Канцев Потемкиным. 5 июля царь торжественно въехал в Полоцк и 15-го выступил с полками против шведов в Ливонию; 31 июля 3400 русских ратных людей приступили к Динабургу ночью, за два часа до света; за полчаса до света большой город был уже взят, потом взяли и меньшей, или верхний, где вырубили всех людей. Немедленно царь велел построить в Динабурге церковь св. Бориса и Глеба и город назвать Борисоглебовом. Потом был взят Кокенгаузен; этот старинный русский город Кукейнос переименован был в "Царевичев Дмитриев город". Об нем царь писал сестрам: "Крепок безмерно, ров глубокий, меньшей брат нашему кремлевскому рву, а крепостию сын Смоленску граду; ей, чрез меру крепок; а побито наших 67 да ранено 430". 23 августа сам царь осадил Ригу; 1 сентября с шести русских батарей началась по городу сильная пальба, не прерывавшаяся ни днем, ни ночью, несмотря на то, губернатор рижский, граф Магнус Делагарди, не сдавал города, а 2 октября осажденные ударили на укрепления осаждающих и нанесли им сильное поражение. Эта неудача, осеннее время, восстание крестьян, истреблявших русские отряды, посылаемые для кормов, слухи, что сам Карл X намерен приехать в Ливонию, - все это заставило царя снять осаду Риги и отступить в Полоцк. Дерпт сдался русским, но этим и кончились приобретения их в Ливонии.

В Полоцке Алексей Михайлович дождался конца переговоров своих уполномоченных с польскими. Еще 13 июля из соборной полоцкой Софийской церкви государь отпустил на съезд с польскими послами в Вильну боярина князя Ивана Никитича Одоевского, окольного князя Ив. Ив. Лобанова-Ростовского, дьяков Дохтурова и Юрьева; польские

комиссары были: Ян Казимир Красинский, воевода полоцкий, и Христоф Завиша, маршалок великий; съезд был назначен у Вильны, в двух верстах от города, а польским комиссарам стоять в деревне на речке Немеже, в шести верстах от Вильны. Посредине был поставлен государев шатер для переговоров, около него - особые для московских, цесарских и польских послов. В то же время разосланы были царские грамоты в поветы Лидский, Слонимский, в воеводство Новгородское, в повет Ошмянский, в воеводство Минское, в повет Гродненский, в воеводстве Троцкое, в повет Волковский, Мозырский, Речицкий, в воеводство Виленское. Грамоты были такого содержания: "Вам бы, верным и подданным нашего царского величества отчины полковникам, ротмистрам, всяким урядникам и всей урожденной шляхте и всему рыцарству, учинить между собою сеймик и выбрать двух человек добрых и умных, которых бы с наше царское дело стало, а выбрав, послать их на съезд в Вильну к нашим полномочным послам. И те бы выборные люди, будучи на съезде, нам, великому государю, по своему обещанью служили, Великого княжества Литовского и Короны Польской сенаторам, полковникам, ротмистрам и всей урожденной шляхте, и всему рыцарству, и духовного всякого чина людям, которые будут на съезде с польскими послами, нашу государскую милость и жалованье к себе выславляли, что мы вас пожаловали, веры вашей, прав и вольностей ни в чем нарушить не велели, прежними маетностями владеть велели да и, сверх прежних маетностей, пожаловали иными многими, чтоб, слыша нашу государскую милость к вам, литовские и польские сенаторы и всяких чинов люди нашей милости поискали, к покою были склонны и были под нашею высокою рукою, и от нашего Великого княжества Литовского Корона Польская не отлучилась бы. Да и про то выборные люди объявили бы, что мы, великий государь, Великого княжества Литовского польскому королю Яну Казимиру не уступим, потому что мы города и места его взяли своею государскою особою и жители их, кроме нас, никого государем иметь не хотят. Если же польские и литовские сенаторы и всяких чинов люди станут отговариваться, что им от короля Яна Казимира, пока он жив, отступить нельзя, ибо они ему присягали, то говорить, чтоб они имели королем своим Яна Казимира, пока он жив, а нас бы, великого государя, на Корону Польскую царем себе выбрали, нам и сыну нашему присягнули и, кроме нас, на королевство Польское по смерти Яна Казимира другого государя никого себе не выбирали, и в конституцию бы это напечатали. А когда это доброе дело совершит бог, то мы пожалуем вас нашим государским жалованьем, чего у вас и на уме нет".

12 августа был первый съезд. Одоевский потребовал, чтоб король уступил царю все Великое княжество Литовское и заплатил военные убытки, которые в 1654 году простирались до 800000 рублей, а в 1655-м - до 500000 рублей. 14 числа польские послы потребовали, чтоб государь возвратил королю все завоеванное и заплатил убытки. Одоевский отвечал: "Что великому государю бог подаровал, того он никогда не уступит". Начался длинный спор о том, имел ли право Алексей Михайлович начать войну с королем; Одоевский доказывал это право с большим вычетом; комиссары

настаивали на своем, что нестерпимые обиды учинились им от нарушения вечного мира с царской стороны, но что они полагают это дело на волю божию: попустил на них бог такое разоренье за грехи их. Комиссары дали понять послам, что слишком большие требования их могут заставить короля заключить мир с Швециею при посредстве французского короля. Одоевский отвечал: "Нам известно, что французский король предлагает Яну Казимиру королю мир с Швециею на трех условиях: 1) чтоб прусскому князю быть удельным князем; 2) чтоб Богуславу Радзивиллу быть с своим же уделом; 3) чтоб по смерти Яна Казимира быть королем польским шведскому королю". Комиссары сказали на это: "Тому статья нельзя, чтоб по смерти королевского величества быть в Польше шведскому королю; нам надобен король, который бы ходил в нашей польской ферязи, а не в немецких флюндрах, а эти нам флюндры и так придокучили".

16 августа был третий съезд вместе с австрийскими послами. Комиссары объявили прежние запросы, бояре отказали им впрямь и пошли было из государева шатра вон. Тут вступились австрийские послы. "Надобно, - говорили они, - старые всякие причины, за что война началась, оставить и говорить бы о том, как мир учинить". Посредники объявили от имени комиссаров, что они отказываются от вознаграждения за убытки, причиненные им войною, поэтому и государевым послам следует сделать также какую-нибудь уступку. "Полякам, - говорил Аллегретти, - бедным и разоренным людям, царскому величеству уступить нечего, города княжества Литовского почти все за великим государем; если же от вас уступки им никакой не будет, то доброе дело не состоится и посредничать нам нечего; лучше ли будет, если польский король вместо мира с царским величеством помирится с шведским королем?" "Царскому величеству, - отвечал Одоевский, - не страшно, если Ян Казимир помирится с шведским королем: у царского величества войска много, есть с кем и против обоих государств стоять". Тогда австрийские послы, осердившись, хотели было уже выходить из шатра, но Одоевский остановил их и объявил, что царь соглашается не требовать от поляков вознаграждения за военные убытки, пусть только отдадут все литовские города. "Запросы слишком тяжелы, - отвечал Аллегретти, - за такими запросами миру статья нельзя".

18 августа был четвертый съезд. Одоевский объявил, что государь отступается от тех литовских городов, которые еще за королем. "Это не уступка", - возражали комиссары. После споров Одоевский наконец объявил настоящее дело: "Государь ваш в совершенных летах, а наследников у него нет: так пусть Речь Посполитая по совету с королем пришлет к нашему великому государю послов с избранием его, великого государя, и писать его обранным Короны Польской великим государем, потому что Великое княжество Литовское под царскою рукою утвердилось; а великий государь хочет вас держать в своей большой милости и вольностей ваших нарушить ничем не велит". Комиссары отвечали: "Это дело великое: скоро ответу дать нельзя". Назначив новый съезд 20 августа, комиссары начали говорить об успехах своего короля

против шведов и потом сказали: "Королевское величество велел вам объявить, что гетман Хмельницкий ссылку держит с шведским королем и с семиградским князем Рагоци, потому что теперь между царским и королевским величеством начались мирные переговоры, и Хмельницкий, опасаясь за свою измену всякого зла, хочет от царского величества отстать". Одоевский отвечал, что это несхожее дело.

20 августа, на пятом съезде, комиссары объявили, что предложение послов об избрании царя в наследники польского престола принимают любительно, но что это дело великое, без короля его сделать нельзя, а королевской инструкции насчет его им нет никакой; кроме того, Польше без Литвы быть нельзя, а послы от литовских городов не отступаются; пусть царское величество покажет свою любовь, уступит королю Литву, Белую и Малую Русь. В спор вступился Аллегретти и принял явно сторону польских комиссаров, требуя уступок от бояр; Одоевский заметил ему, что он вместо посредничества царскому делу только помешку чинит; Аллегретти осердился и говорил: "О королевстве Польском и прежде многие государи христианские старались, и теперь у цесаря есть братья и дети, и другие арцыкняжата одной с поляками римской веры, и им не иного чего ожидать; государь, который хочет быть государем другого государства, не отнимает у него старого, но прибавляет новое". Одоевский опять заметил, что Аллегретти вместо посредничества говорит такие вещи, которых и сами польские комиссары не говорят.

Шестой съезд, 22 августа, прошел в спорах об условиях избрания царя в короли; бояре требовали, чтоб польский престол был наследственным для царя и его потомства; паны утверждали, что поляки никак не откажутся от права избрания: кроме того, паны настаивали, чтоб Поляновский договор остался во всей силе. 25 августа, на седьмом съезде, Аллегретти объявил, что он об избрании царя на польский престол и слышать не хочет, присланы они от императора для посредничества о мире, а не об избрании. Одоевский отвечал, что он, Аллегретти, говорит непристойные речи, и объявил комиссарам, что царь требует навеки Малую и Белую Русь, Волынь и Подолию, а Литовского княжества требует только на 20 лет за военные убытки. На осьмом съезде, 27 августа, цесарские послы так посредничали, что сами польские комиссары объявили Одоевскому: "Съехаться бы нам завтра и о покое христианском поговорить между собою, а цесаревым послам тут не быть, потому что от них на обе стороны, кроме ссоры, добра никакого нет, не желают, чтоб был на польском престоле Алексей Михайлович, а прочат цесарева сына или брата". 28 августа комиссары начали говорить боярам: "Цесарские послы на нас досаждают, зачем мы начали говорить об избрании царского величества, у императора есть дети и братья и на королевстве Польском есть кому быть, но нам цесарева племени австрийского дома короли уже наскучили: как у нас государствовало потомство Ягайла короля, то мы благоденствовали, а когда начали у нас быть короли немецкой природы, то мы от их потомства теперь мало что не нищие и государству своему видим запустошение.

Цесарские послы рады не соединению, а разорванью между нами; так мы станем между собою говорить о добром деле сходительным обычаем, и початок доброму делу мы объявляем такой: государь наш уступает царскому величеству все то, что уступлено было вами по Поляновскому договору; о Малой и Белой Руси, о Волыни и Подолии пошлем гонца к королю, и вы пошлете с своей стороны к царскому величеству; что же касается Литвы, то царское величество поступился бы ею королю, потому что и так государство наше почти все разорено; об избрании царского величества мы уже писали к королю и дожидаемся ответа". Одоевский отвечал, что они, послы, обо всем этом отпишут к великому государю. Комиссары начали было толковать о возвращении в королевскую сторону запорожских козаков с их землями, но послы им отказали: то дело несхожее; черкасы государю присягали, что быть под его рукою вовеки, и отступиться от них государю нельзя, да и потому нельзя отпустить черкас к королевскому величеству, что у них с поляками давняя вражда и усмирить их никак невозможно, и только царскому величеству от себя их отлучить, и они тотчас поддадутся или турецкому, или крымскому, или шведскому и, соединясь с ними, обоим государствам станут чинить всякое зло и разоренье, а как будет на Короне Польской государем его царское величество, то и запорожские черкасы будут заодно же.

29 августа получили послы государеву грамоту; царь писал, чтоб дело об избрании его на польский престол и о мире отложить до другого времени, войска с обеих сторон задержать на полгода или больше и обратить их на общего неприятеля, шведа, с которым не заключать отдельного мира; и только 18 сентября пришел царский ответ на грамоту посольскую, отправленную после съезда 28 августа; царь писал, чтоб послы продолжали дело об избрании. 20 сентября был десятый съезд. Комиссары объявили, что об избрании к ним наказа еще не прислано, прислан наказ о мирном постановлении. Одоевский отвечал, что в таком случае лучше всего всякое дело отложить и двинуть войска на шведа, с которым порознь не мириться. Но комиссары предложили вопрос: если царское величество избран будет в короли, то уступит ли Малую и Белую Русь королевству? Послы отвечали, что всего лучше это дело отложить на полгода или больше. Комиссары не согласились. Одоевский предложил последнюю меру: в государеву сторону Малую и Белую Русь, Волынь и Подолию навеки, а Вильну с другими городами литовскими на 18 лет. Комиссары отказали и хотели вместе с австрийскими послами разъехаться без дела. Тогда послы, чтоб царскому избранию на польский престол помешки не учинилось, предложили: избрание царя в наследники Яну Казимиру и уступку Малой и Белой Руси Московскому государству; паны останутся при всех своих правах и при вольном избрании короля; государь обещается возвратить Польше Ливонию по Двину, кроме городов, принадлежавших царю Ивану Васильевичу; обещается отыскивать и наследственное Яна Казимира королевство Шведское; обещается возвратить всех пленников, все пушки, взятые в городах литовских; имения, отнятые у православных церквей и монастырей, возвращаются; духовенству православному быть в прежней

чести; уния должна быть уничтожена, ибо она богу всемогущему грубна: это не вера, но замысел злых людей, которые отступили от греческого закона и между греческим законом и католическою верою чинят ссору; православные имеют одинакие права с католиками. Комиссары отвечали на это, что прежде надобно заключить мир, а потом уже вести дело об избрании, иначе избрание будет невольное; австрийские послы говорили, что об избрании они и слышать не хотят, ибо присланы быть посредниками только при заключении мира. С этим все и разъехались.

После этого разрыва австрийские послы прислали сказать, что они переговорам об избрании царя мешать не будут и как скоро начнутся об этом рассуждения, то они будут выходить из шатра; польские комиссары не соглашались на это и предложили Одоевскому съехаться без австрийских послов на каком-нибудь особенном месте, и поэтому 24 сентября съезжались за слободою, на загородном шляхетском пустом дворе, в двух верстах от Вильны. Комиссары объявили, что получили от короля грамоту: Ян Казимир пишет, что по вопросу об избрании царя ему в наследники назначен сейм, который начнется 15 сентября нового стиля; но чем сейм кончился, о том они, комиссары, ничего не знают. Комиссары говорили также: "Пишут к нам приятели, что они избранию царя в короли рады, но не все сенаторы на это согласны: одни хотят выбирать царевича Алексея Алексеевича, другие - цесарева сына или брата, иные - венгерского; но если бы великий государь уступил Польше Белую Русь, то думают они, комиссары, что все сенаторы согласятся на царское избрание или на избрание царевича; о Малой России они способов искать станут, без Белой же царскому избранию никак не состояться, потому что у многих сенаторов и шляхты города и маетности в Белой России за рекою Березою. Сенаторы пишут к нам тайно, что королева хочет избрания царевича Алексея, король часто бывает нездоров, и когда умрет, то она останется от него бесплемянна и царевич будет у нее вместо сына, а она станет оберегать его здоровье". В заключение комиссары объявили, что запорожские козаки согласились с крымским ханом, волошским господарем и Рагоци мешать царскому избранию в короли, ибо в таком случае им будет тесно, а запорожцы опасаются мести от поляков, и шведский король с Хмельницким ссылается: козаки - люди шаткие, хотя и присягают, но в правде не стоят. Австрийские послы по требованию Одоевского объявили, что они, и не выходя из шатра, не будут мешать переговорам о царском избрании, не будут ничего говорить ни за, ни против.

С 24 сентября по 6 октября не было съездов: комиссары дожидались королевского указа; предполагая, что они проволакивают дело, Одоевский назначил съезд 6 октября и потребовал отложить переговоры о мире и об избрании на полгода или на год, прекратить войну и обратить войско на шведов. Но комиссары настояли, чтоб ждать еще королевской грамоты до 9 октября, а цесарские послы прислали сказать Одоевскому, что будут способствовать царскому избранию в короли. На съезде 9 октября

комиссары объявили, что указ им прислан: король и паны соглашаются на избрание царя или царевича, если будет заключен мир по Поляновскому договору; что же касается до вечного мира без избрания, то король уступает царскому величеству Смоленск и все города, уступленные по Поляновскому миру. Ответ был прежний, что царское величество без Малой и Белой России миру не заключит. 19 октября пришла к послам царская грамота: договариваться, чтоб учинить рубеж по реку Березину, также Полоцку, Витебску и лифляндским городам быть за государем; о божием деле промышлять с большим раденьем, а иное и купить, сулить тысячи многие, пятьдесят и шестьдесят и больше обоим послам, а если дело не сделается, то как-нибудь укрепиться, чтоб войне на обе стороны не быть и с шведом без обсылки не мириться, укрепиться хотя малою крепостью, но непременно на то привести, чтоб послов отпустить с ласкою, войне не быть и с шведским королем не мириться. Комиссары никак не согласились на уступку Малой и Белой Руси и потому положили, что по делу об избрании государя отправятся к королю на сейм царские полномочные послы, а пока договор совершится, положили рать с обеих сторон задержать, никаких зацепок не чинить и с шведским королем не мириться.

По всему было видно, что в Москве всеми средствами хотели поддержать нерешительное положение и не начинать войны с Польшею, не окончив войны шведской, а между тем готовить избрание царя в наследники Яну Казимиру; для этого хотели приобрести себе сильную сторону между вельможами, из которых склоннее других к Москве казался гетман Гонсевский.

4 ноября 1656 года из Полоцка государь отправил любимца своего - стольника Артемона Матвеева с семьей сороками соболей, ценою на 700 рублей, к гетману Винцентию Корвину Гонсевскому. Матвеев нашел гетмана в Кайданах и, упомянув о виленском договоре насчет избрания царя в короли польские, прибавил: "Ты бы, гетман, служил и свою братью наговаривал, чтоб они также великому государю служили и то дело привели к совершенью". Гетман отвечал: "Тому делу чинится помешка, шведский король в союзе с королем французским, который помогает ему деньгами и людьми и хочет, чтоб шведский король был на Короне Польской, а шведский король ссылается с гетманом Богданом Хмельницким и с Рагоци венгерским, и дума у них одна. Писал ко мне маршалок надворный Юрий Любомирский, что гетман Хмельницкий присягал пред послами Рагоци быть во всей их воле, а ездит от Хмельницкого к шведу беспрестанно чернец. Великий государь изволил бы послать к курфюрсту бранденбургскому, чтоб оторвать его от шведа, и тогда швед будет бессилен, но, что будет писать курфюрст к государю, тому бы государь не верил, потому что курфюрст - человек не крепкий, а вблизиности при нем живут шведские люди; да послал бы царское величество к цесарю, чтоб цесарь наступил на шведского короля; писал бы к датскому королю и к Голландским Штатам, чтоб помешали на море шведскому

королю, который хочет захватить в свои руки зундскую пошлину. Цесарь присылает, чтоб выбрали сына его на Корону Польскую; брат цесарев, Леопольд, присылает, чтоб выбрали его; того же просит курфюрст баварский, и у сенаторов разные мысли; но я их наговариваю всячески, чтоб избрали царское величество".

Матвеев стал уговаривать гетмана постараться, чтоб рубежу от Московского государства быть по реку Березину, а от Короны Польской - по реку Буг. Гетман отвечал: "Не только мне сенаторов наговаривать, и помянуть об этом деле нельзя, назовут меня изменником". Потом Гонсевский говорил: "Изволил бы государь послать королеве подарок и слово ей дал: как будет царевич Алексей Алексеевич в совершенных летах, то женится на ее племяннице: этим всего лучше государь утвердит свое дело". Матвеев возразил: "Царевич мал, а вера греческая далека от римской, и этому делу отнюдь нельзя стать". Гетман отвечал: "Учинил бы государь соединение вер, как прежде была единая благочестивая вера, король Владислав больше всего хотел соединения вер; изволил бы государь послать об этом деле к королю, цесарю и папе, чтоб учинить съезд духовным и мирским людям и об этом великом деле разговор иметь. Как узнают, что царское величество старается о соединении вер, то многие народы покорятся ему. Самые сильные люди в короне: Юрий Любомирский маршалок, который хочет цесаря или сына его, воевода познаньский Лещинский, который хочет Рагоци: кроме них сильны Конецпольский и Чарнецкий: этих людей великому государю надобно пожаловать; когда они будут служить царскому величеству, тогда все будет по его воле. Да чтоб царское величество приказал послам своим на сейме не спешить отдачею городов; велел бы и ратным своим людям приблизиться к Вильне, чтоб этими ратями сенаторов поусумнить. Если я буду годен в службу к великому государю, то чтоб царское величество пожаловал меня маетностями, которые прежде за мною были, да чтоб пожаловал, велел мне дать 5000 мушкетов, 3000 барабанов, 3000 пар пистолей; да чтоб пожаловал, дал средства приехать на сейм людно, потому что у них, кто люднее, того больше боятся и слушают".

Война с Швециею была начата потому, что Польша почти не существовала, и неблагоприятно казалось усиливать на ее счет Швецию, с которою предстояла потом опасная борьба. Но теперь обстоятельства переменились: как Москва в начале века спаслась от внутренней смуты и внешнего порабощения благодаря религиозному одушевлению, обхватившему весь народ и объединившему его, так теперь религиозное одушевление обхватило народ польский и спасло государство. Карл X выгнал Яна Казимира из Польши; отнял у него Варшаву и Краков, провозгласил себя королем польским, но он был протестант: католическая Польша в XVII веке, при господстве религиозного интереса, не могла признать королем своим протестанта, тем более что этот протестант и подданные его давали чувствовать католикам свой протестантизм; они решились напасть на главную святыню королевства - монастырь Ченстоховский, который теперь

в Польше имел такое же значение, какое Троицкий монастырь имел в Московском государстве в Смутное время. Церковь призвала народ к восстанию против врагов иноверных, и народ повиновался; знаменитый полководец Чарнецкий начал действовать с успехом против шведов. Карл X увидел, что польская корона ускользает от него, Ян Казимир, поддерживаемый энергической женою своею, ободрился.

Вследствие этих перемен должна была перемениться и политика московская: жар к войне со шведами, охлажденный под Ригою, охладился еще более, когда в Карле X перестали видеть опасного соперника, когда усиление Яна Казимира и особенно отношения малороссийские начали грозить опасностию более важною. 23 февраля 1657 года царь и бояре приговорили: промышленяты всякими мерами, чтоб привести шведов к миру; это поручение было возложено на воеводу Царевича Дмитриева города Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Ордин-Нащокин, псковский помещик, в царствование Михаила Феодоровича упоминается как участник в посольских съездах при размежевании и поправлении границ; в начале возмущения Нащокин жил в Пскове; когда гилевщики после разговора с воеводою Собакиным на дворе архиепископском начали шуметь, то из их скопу прибежали на двор к Нащокину площадной подьячий да стрелец и сказали ему: "Выезжай из Пскова в свою деревню: хотят убить тебя да Федора Емельянова". Нащокин выехал в деревню, а оттуда в Москву, куда привез подробные известия о бунте. Но когда Хованский пошел под Псков, Нащокин отправился с ним: ему поручил воевода уговаривать крестьян, чтоб они обратились, из лесов вышли и жили по-прежнему. Как Нащокин исполнил свое поручение, видно из отзывов Хованского, который писал к царю о его службе, работе и раденье во всяком деле. Еще сильнее высказались усердие и способности Нащокина во время шведской войны; он сделался воеводою Царевича Дмитриева города и по удалении царя из Ливонии стал главным лицом здесь. Но, навлекши на себя прежде негодование псковских гилевщиков, как дворянин, приверженец правительства московского, теперь Нащокин возбудил против себя ненависть людей, которым не нравилось, что человек, сравнительно с ними незначительный, успел личными достоинствами возвыситься и стать на первом плане. Эти люди стали мешать ему; не посылали нужного войска, разрушали то дело, о котором хлопотал Нащокин, а хлопотал он о том, чтоб стать твердою ногою в прибалтийских областях.

В июле писал Нащокин государю: "Известно мне, что из Риги бурмистры и лучшие люди от морового поветрия выбежали, а служилые люди вышли к Волмерю с Магнусом Деллагарди, но и в обозе шведском также тяжелая болезнь, сам Деллагарди умер. Писал ко мне Яков, князь курляндский, что теперь удобное время для мира с королем шведским; я отвечал ему: за нарушение вечного мира многие земли встали на шведского короля, и, кроме видимой рати, теперь от господ бога послана на Ригу война невидимая, и если рижане покорно к подданству приступят, то от надлежащего страха избудут и без печали в свои дома возвратятся; и писал

я с большим подтверждением, чтоб курляндский князь промышлял о подданстве рижан. Но курляндский князь манит, дружа шведам, чтоб время без промыслу прошло. А промысла чинить нам некем: твой, государев, указ с осени послан в Полоцк, Витебск и Псков, чтоб высылали в Царевичев Дмитриев город ратных людей и хлебные запасы, и до сего времени твой указ не исполнен, и тем на твоих государских людей многие крови наведены. Если б сначала твой указ исполнен был, то шведам из Риги нельзя было бы выходить ко псковским местам. Если б шведы не боялись ратных людей из Царевичева Дмитриева города, то съездов и перемирья безотступно не просили бы, а других твоих государевых городов рижане не боятся, потому что далеко от них. Но помощи мне не дают по моей причине, твое государево дело возненавидели для меня, холопа твоего. Четвертое лето без перемены я покинут в самых дверях неприятельских, и этим путем литовские и немецкие люди на твои города не прихаживали; а которым ратным людям по твоему указу со мною быть велено, и во все лето государев указ не исполнен, в городах ратные люди и запасы полковые задержаны. Тебе, помазаннику божию, господь бог обо мне явно учинил: "Аще бы от мира был, мир убо своя любил бы". Из чужих неприятельских земель послушание и вспоможение твоему государеву делу чинят, а из твоих городов ни малой части твоего указа не исполняют, в твоем государевом деле многий промысл разрушают и вовремя промыслу делать мне не дают. И в том твоя царского величества воля! По твоему государеву указу велено город Друю ведать в Царевичеве Дмитриевом городе, и после твоего указа, не списываясь со мною, из Полоцка памяти посылают к бурмистрам и многие налоги чинят и убытки многие друянам делают, волости друйские на разоренье козакам отдали, Друю хотят запустошить и от твоей высокой руки отогнать. В Резицком и Лужском уездах полоцкие козаки твои государевы волости без остатку разоряют, о твоих государевых грамотах бьют челом в Полоцк, зная, что их за самовольство в Полоцке не унимают, а мне уберечь уездов от таких самовольных людей нельзя. В ближних к Риге уездах от немцев столько разоренья нет, сколько в Друйском, Резицком и Лужском уездах от козаков запустело. За мною во все четыре года приставства нигде не бывало, и по твоему государеву указу оберегаю я не выбором, и где в разоренных местах крестьян собрал, а из Полоцка пустошат. В грамотах великого государя писано: которые уезды в Ливонии добровольно в подданство не учинятся, те места ратным людям без остатку велено разорять. И ратные люди, слыша такой указ, не оставят живущему нигде места. А ныне господь бог помазаннику своему явными знаками без крови ту землю предает, ничего иного не требует господь бог, только милосердия к покорным, а противные сами на себя жестокий суд нанесут. У служилых людей тот обычай, чтоб непротивных пленить без остатку, за что им и смертная казнь бывает, а нрава своего не откладывают. Этою зимою изо Пскова служилые люди соседних с Юрьевым присяжных крестьян посекали и деревни пожгли, и, то видя, в иных местах от подданства бегут, а немцам то и надобно, уездных людей к себе привозят и полки свои пополняют, а пехота лучшая у шведов

- лифляндские люди. Рейтарам Царевичева Дмитриева города за разоренье крестьян много наказанья было, но они не унялись, зная, что в других городах от такого разоренья их не унимают; о таком их самовольстве писано в Рейтарский приказ, и по 5 июля государева указа об этом не прислано, а вперед сдерживать рейтар от разоренья над уездными людьми нельзя. А если уезды пусты будут, то государевым служилым людям в новоприобретенных городах держаться нельзя, а хлебные запасы из русских городов туда возить убыточно. Для нынешнего посещения божия над Ригою покинуть без промыслу невозможно. Прошение рижан о съезде и присылке теперь частые в Царевичев Дмитриев город, а начальные люди и бурмистры еще при Магнусе Деллагарди тайными ссылками к милости великого государя приведены. Доброму делу пакостник Магнус был, но живот его на земле згинул, и если рижан вскоре не захватить, показав грозу ратных людей, то они станут искать других средств к получению помощи. Надобно Лифляндскую землю занять прежде, чем шведы оправятся от разрушенья, причиненного смертию Деллагарди".

Когда Нащокин хлопотал об утверждении Ливонии за царем, князь Мышецкий вел переговоры с Даниею о войне шведской. Летом 1656 года князь Мышецкий вместе с датским посланником Германом Косом нашли государя в Ливонии. Кос объявил, что королевские ратные люди теперь не в собранье, а когда соберутся, то король выступит в поход против шведов. Царь отвечал ему: "Князь Мышецкий нам извещал, что люди у королевского величества готовы, и королевское величество шел бы, не испустя времени, а только теперь не пойдет, и время пройдет". 7 августа из стана своего под Кокенгаузеном царь отпустил того же Мышецкого опять в Данию с *грамотою за своею самодержавною рукою*. Объявив королю об успехах царя в Ливонии и о походе его под Ригу, Мышецкий говорил: "И вашему бы королевскому величеству со своей стороны также идти на общего недруга нынешним летом; и быть в войне обоим великим государям, и одному без другого года два или три не мириться". Король отвечал: "У меня ратные люди готовы, и я пойду на шведов четырьмя полками: три полка пойдут сухим путем, а четвертый - на Варяжское море с корабельным сбором. Прошу государя вашего в прибавку к датским кораблям нанять еще у голландцев 20 кораблей воинских". Король стал требовать у Мышецкого, чтоб тот заключил подробный договор о союзе, но посланник отвечал, что без царского указа сделать ему этого не уметь. Все лето 1657 года Мышецкий прожил в Копенгагене, при нем Фридрих III начал войну со шведами, но поляки, а не русские явились ему в ней союзниками: в Москве совершенно охладели к войне шведской, ибо все внимание сосредоточилось на юге.

В то время, как царь, задержавши войну польскую, обратил все свои силы против Швеции, из Белоруссии слышались сильные жалобы на черкас, которые в свою очередь жаловались на воевод московских. Самые сильные жалобы слышались на чауского наказного полковника Ивана Нечая, который прибрал к себе многих гультаев, а иных мещан и пашенных

крестьян захватил силою и записал в козаки; во многих городах, селах и деревнях поставил козацкие заложники без царского повеления; шляхту, мещан и пашенных крестьян, которые не хотели записываться в козаки, приказывал грабить, мучить и побивать до смерти; писался полковником белорусским, гомельским и иных городов. Другой полковник, Федор Константинов, приходил под Копыс и побивал государевых людей; третий, Иван Дорошенко, покинул Новый Быхов без государева указа и не видя на себя прихода ратных людей ниоткуда.

Для поверки этих жалоб в апреле 1656 года отправился в Белоруссию от Хмельницкого полковник Антон Жданович вместе с московским сотником стрелецким Сивцовым. Спросили они Ивана Дорошенка: зачем покинул Новый Быхов? Тот отвечал, что сделал это по приказу Василия Золотаренка, который по смерти брата своего Ивана был полковником нежинским; все подтвердили показание Дорошенка: но спросить Золотаренка было нельзя: он находился в это время в Чигирине у гетмана, и дело осталось нерешенным. Спросили Федора Константинова: зачем побивал государевых людей? Тот отвечал: "Был я полковник польский, передался к Войску Запорожскому с шестью хоругвями и шел с ними через город Копыс к гетману Богдану; в Копысе велели мне ехать в Москву; но я в Москву ехать отказался; тогда меня хотели силою поворотить в Москву, напали на меня ночью и стали бить моих людей, я также отбивался, но приступа к городу никакого не делал". Но малороссийский сотник Дроздович уличил его: по его показанию, Федор, пришедши в Копыс на посад, стал бить и мучить жителей; воевода Толочанов призвал его к себе, угостил и стал ему говорить: "Для чего ты царского величества людей бьешь?" Тогда он на воеводу *фукнул*, пошел за город и на другой день в город стрелял и приступал; Толочанов послал в Могилев за войском; явились московские солдаты, подошли к отряду Федора и послали сказать полковнику, чтоб он переговорил с ними, показал бы им царскую грамоту или приказ гетманский. Федор отвечал: "Я вам покажу такую грамоту, что никто из вас ног не унесет". Начался бой, и солдаты заставили Федора уйти. Спросили Нечая: как смел свести царские солдатские гарнизоны и поставить свои, козацкие? Нечай отвечал: по гетманскому приказу, и показал грамоту, где Хмельницкий писал, чтоб Нечай поставил козацкие гарнизоны везде, где стояли прежде Золотаренковы. Козаки-разбойники оправдали Нечая, показавши, что он не знал об их разбоях. Двое старших из них были повешены, другие биты в два кия до полусмерти по приказу Ждановича. Сотника Жуковского за разбой велел он казнить смертию; велел вывести отовсюду козацкие гарнизоны.

Но надобно было удовлетворить и малороссиян, ибо сотники Войска Запорожского, стоявшего в Белоруссии, со всеми товарищами били челом царю с кровавыми слезами, что нестерпимые обиды и смертное убийство терпят они от начальных и ратных людей московских, находящихся под властью князя Ивана Борисовича Репнина, воеводы могилевского, Мстиславского воеводы Дашкова и других. При челобитной подан был

длинный список пограбленному. Стольник Леонтьев отправился для сыска. Могилевцы - священники, шляхта и чиновные горожане объявили Леонтьеву, что ничего не знают о насилиях воеводы князя Репнина черкасам. Сотенные люди сказали: "Воевода человек по сту черкас в тюрьму сажал ли, не знаем; а нежинских четырех козаков кнутом в проводку бил, за что - не знаем, и других человека по два и по три бивали. Написаны в росписи резаные черкасы, но мы знаем, что их четверых порезали у вина, а кто резал - не знаем; знаем, что воевода взял имение по смерти одного козака, тогда как после него остался брат, имение и этого брата было взято также вместе с имением умершего. Мстиславцы объявили, что не знают об обидах черкасам от государевых людей; но они, мстиславцы, и маетности их все разорены черкасами. Жданович обвинял шкловского воеводу, Василья Яковлева, что посылал солдат, которые выжгли деревни. Шкловцы на повальном обыске объявили, что ничего об этом не знают и не слыхали, но что теснота им была от черкас большая, нельзя было за город выехать: непременно ограбят черкасы.

Нечай по отъезде Ждановича продолжал рассылать гультяев по городам и селам, силою писать в козаки шляхту и мужиков, а в январе 1657 года сам прислал в Москву жалобу, что стоял он под Быховом вместе с князем Иваном Андреевичем Хованским, пошел на приступ и был отбит, потому что Хованский не помог ему. Но важнее были столкновения с самим Хмельницким.

Мы видели, как поляки при каждом удобном случае старались внушить, что Хмельницкому нельзя верить, что он пересылается с шведским королем. Русские отвечали им обыкновенно, что это дело нестаточное, но другое было у них на сердце. Василий Васильевич Бутурлин дал знать царю, что Хмельницкий во время похода своего с ним подо Львов действовал вовсе не так, как бы следовало. Когда после виленской комиссии царь дал знать гетману о ее решениях, то Богдан 9 декабря 1656 года отвечал: "Как верные вашего царского величества слуги, мы этим договором усердно тешимся; только, как верные слуги, о неправдах и хитростях ляцких ведомо чиним, что они этого договора никогда не додержат: они и прежде ничего не хотели сделать с людьми, обвиненными в бесчестии вашему царскому величеству, от сейма до сейма через десять лет все отволакивали и никакого исправленья не чинили, хотя это дело крестным целованьем и конституциею остережено было. Столь явная неправда ляцкая пред богом и пред тобою оказывается, что они на веру нашу православную давно воюют и ей никогда желательными быть не могут, а теперь они этот договор для того сделали, чтоб, немного отдохнув и наговорившись с султаном турецким, с татарами и другими посторонними, на ваше царское величество снова воевать: ибо если они, ляхи, в самом деле ваше царское величество на Корону Польскую и Великое княжество Литовское выбирают, то для чего же воеводу познаньского и каштеляна Войницкого послали к цесарю римскому просить брата его родного на королевство; послы эти 12 октября приехали в столицу цесарскую и вели

переговоры во время конца комиссии виленской; прежде еще посылали Пражмовского к Рагоци с короною, скипетром и яблоком (державою), призывая его на королевство: все это знак явной неправды ляцкой!

Ясно, что они виленского договора не додержат, и кто знает, будет ли еще этот договор принят на сейме от всех чинов? Для вышереченной неправды мы ляхам никак верить не можем, ибо знаем подлинно, что они православному народу нашему недоброхотны. Вторично тебя, великого государя, единого в подсолнечной, православного царя, молим: не подавай православного народа на поругание, о котором ляхи помышляют".

Но православный царь не нуждался в этой просьбе и предостережениях: он также хорошо, как и Хмельницкий, знал, что избрание его в короли более чем сомнительно; оно могло состояться только при новых успехах его оружия, а для этих успехов было необходимо, чтоб силы Великой и Малой России были соединены как нельзя крепче. Но гетман запорожский, преследуя свои особые интересы, нарушая единство государственного движения, наносил удар могуществу царя и тем самым усиливал ляхов, к которым питал такое нерасположение. 12 декабря киевский воевода Андрей Бутурлин дал знать в Москву: сказывал ему наказной киевский полковник Василий Дворецкий: "Гетман опасается гнева государева, сильно сомневается насчет черкас, отправленных им в виленскую комиссию и еще не возвратившихся, думает, что их задержали, что государь приказал отдать козаков по-прежнему польскому королю и велел на них идти войною; опасаясь этого, гетман созвал сейм, на котором все полковники, есаулы и сотники дали слово стоять заодно на всякого, кто на них наступит. Кроме того, Хмельницкий посылал к Рагоци, к воеводам волошскому и молдавскому, к хану крымскому, чтоб они были с ним в соединенье; ото всех этих владетелей были у него послы и учинили договор: если кто на него наступит, то они будут ему помогать; послы крымские у гетмана бывают часто". Приехал в Киев отец писаря Выговского Астафий; воевода зазвал его к себе, подпоил, и старик подтвердил ему слова Дворецкого. Люди, посланные для вестей в Чигирин, доносили, что Хмельницкий договорился с Рагоци помочь ему овладеть польским престолом; замышляют отступить от государя гетман да писарь, и с ними немногие начальные люди, замышляют они это потому, что государь помирился с королем, опасаются, что их выдадут полякам; гетман хочет отложиться при первом гневе государевом, но козаки и черные люди на такую неправду ему не помогают; наконец, Хмельницкий посылал к быховцам, чтоб государю не сдавались, а сдались на его гетманское имя.

Карл X, когда еще мечтал быть королем польским, отправил к Хмельницкому посла с таким наказом: просить Хмельницкого, чтоб дал знать, какого чина и какой власти ему хочется? Хочет ли он от вольного удельного княжества при польском рубеже или хочет с козаками своими вместе с Короною Польскою под шведскую защиту поддаться и при прежних правах и вольностях оставаться, или хочет он вассальных прав, с

обещанием помогать королю и государству его ратными людьми и другими средствами. Указывать выгоды, которые будут козакам, если они соединятся со шведами, потому что они от поляков никакой безопасности надеяться не могут; если же соединятся со шведами, то стеснят так поляков, что те никакого зла им сделать не будут в состоянии, шведы будут оберегать козаков от насилья шляхты, а козаки за это будут стараться, чтоб Польша никаким образом не отлучилась от шведского короля. Договариваться с Хмельницким о разделе рубежа от Польши и от Москвы. Главное условие договора должно состоять в том, чтоб он возбранял татарам вход в польские и литовские рубежи, чтоб не ходили через Днепр, Днестр и Буг; кроме того, при всякой войне Хмельницкий выставляет на помощь королю 40000 человек на свой счет и держит их в службе три месяца, по прошествии которых они, продолжая службу, будут получать на прокорм из королевской казны, как и другие ратные люди. Козаки должны обещаться ни с каким государством не соединяться и не договариваться без ведома королевского. Хмельницкий всякими мерами должен привести Москву к тому, чтоб она далее Березины не искала себе владений и чтоб вся Литва осталась за шведами. Хмельницкий и козаки должны обещаться не начинать ни с кем войны без воли королевской. Требовать, чтоб в больших городах можно было строить протестантские церкви. Для удобства торговли выпросить часть земли у рек Днепра, Буга и Днестра, где бы строить амбары; также требовать мест над Днепром, где король хочет построить крепости против татар; козаки не должны позволять крестьянам, которые теперь на тех местах живут, бегать и к ним переезжать, а если перебегут, отдавать назад; земля эта, которой хочет король, простирается на 12 миль от истоков реки Тетери до ее устья в Днепр, по Днестру на острове и по обеим сторонам на 4 мили, а еще б лучше, если б уступили Киев. Если Хмельницкий захочет быть удельным, то вольно ему постановить у себя Речь Посполитую козацкую, дал бы козакам права и уложение, как им жить и как наследникам его властвовать. Остается у него во владении только воеводство Киевское, а воеводство Черниговское надобно уступить Москве; если же Хмельницкий не согласится, то уступить ему воеводство Брацлавское до Буга или даже до Ямполья, также можно уступить ему четвертую часть или половину торговых пошлин. Если Хмельницкий захочет быть под королем шведским голдовником (вассалом), то уступить ему воеводство Киевское и писаться ему князем киевским и черниговским и гетманом Войска Запорожского. Хмельницкий должен быть в таком же отношении к королю, как курфюрст бранденбургский или герцог курляндский к Польше. Каждый новый гетман должен давать королю по 300000 золотых польских; каждому новому королю должен давать 30000 золотых червонных, также должен дарить королевских сыновей, когда будут жениться, и дочерей, когда замуж пойдут. Хмельницкий будет волен раздавать служилым своим людям маетности наследственно или пожизненно; хорошо было бы, если б Хмельницкий всем крестьянам, которые у него в подданстве, велел оставаться в домах своих, чтоб они ему и начальным его людям давали

оброки денежные и пашни не пустошили; впрочем, это полагается на волю Хмельницкого. Относительно духовного чина все будет по-прежнему; митрополит киевский не может быть поставлен без воли королевской.

Но в начале 1657 года Карл X уже потерял надежду удержать за собою все королевство Яна Казимира, должен был искать союзников и поделиться с ними добычею: между Карлом, Рагоци и Хмельницким заключен был договор, по которому Украина признавалась навсегда отдельною от Польши. Великая Польша, Дан-циг и Приморье отходили к Швеции, Малая Польша, Литва, Мазовия и Русь Галицкая доставались Рагоци; отряд козацкого войска отправился к последнему, чтоб действовать вместе против поляков.

Как же Хмельницкий оправдывал свой поступок пред царем московским? В феврале 1657 года он писал, что приезжал к нему каштелян волынский, Станислав Беневский, с предложением передаться на сторону Яна Казимира, но что он, гетман, никак на это не решится; этот Беневский сказывал ему, что статьи виленской комиссии никогда не состоятся; приходил к нему, гетману, и писал от цесаря бискуп Марцианополитанский также с убеждением перейти на сторону короля польского. "Вследствие таких хитростей и неправд, - писал Хмельницкий, - пустили мы против ляхов часть Войска Запорожского". Понятно, что в глазах царя это письмо несколько не оправдывало своеволия и явного нарушения статьи, определявшей поведение гетмана относительно послов иностранных, а тут еще вести из Крыма: "Сказывал московским посланникам переводчик: как он был у ближнего ханского человека Сефергазы-аги, то при нем были посланники от Богдана Хмельницкого пять человек и говорили, чтоб хан по-прежнему стоял за черкас и оберегал их. Ближний человек заметил, что гетман учинился в холопстве у государя московского: тогда черкасские посланцы отвечали ему: "Как гетман бил челом в подданстве московскому царю, с тех пор от великого государя никакой нам помощи, заступленья и обереганья нет".

23 апреля Хмельницкий писал государю с посланцем Коробкою: "Турецкий султан собирается на Украину в союзе с королем польским и императором Фердинандом; хан крымский также готов со всеми ордами, только не знаем, где хочет ударить. Все это делается по научению ляцкому, потому что ляхи искони извыкли прелестями своими разные монархии губить: так православных российских князей прельстили и седалища их пресветлые ни во что обратили; а теперь ни о чем больше не промышляют, как только о том, чтоб разорить православие, что не раз и ваше царское величество узнал. Теперь ляхи, видя свою свыше от бога назначенную погибель, вашему царскому величеству покоряются, а в сердцах у них яд змеиной ярости кипит. Покоряются вашему царскому величеству, а сами к султану турецкому послов отправляют, просят, чтоб помогал им христиан воевать, и за эту помощь все вашего царского величества украинские города обещают, от Каменца Подольского начиная. Узнавши об этом от

владельца молдавского, извещаем тебе и молим твое царское величество, не верь отступникам ляхам. И то тебе, великому государю, извещаю, что, будучи недосужным, за изволением всех полковников, поручил я гетманство сыну своему Юрию Хмельницкому, о котором низко челом бью, молю, чтоб твое царское величество милостив к нему был".

Посланец Коробка говорил в приказе, что Богдан за старостию и болезнию гетманство сдал сыну своему - Юрию, за радюю полковников и всего войска; Юрию Хмельницкому 16 лет; булаву гетманскую ему дали, только власти никакой не будет иметь при жизни отцовской, владеть всем и гетманом называться и писаться будет отец его, Богдан Хмельницкий. Гетман и войско, все от мала до велика, желают того, чтоб изволил приехать в Киев великий государь, святейший Никон патриарх, и там бы митрополита на митрополию, а гетманского сына на гетманство благословил. Царь отвечал Хмельницкому, чтоб он старался не перепускать турок через Днестр; относительно Юрия писал: "Вам бы, гетману, сыну своему Юрию приказать, чтоб он нам, великому государю, служил верою и правдою, как вы, гетман, служили; а мы, увидя его верную службу и в целости сохраненную присягу, станем держать его в милостивом жалованье".

Хотя Хмельницкий и писал, что передал гетманство сыну по изволению всех полковников, однако не все полковники изволили на это. Богдан сведал, что миргородский полковник Грицка Лесницкий прочит гетманство Выговскому. Старик велел призвать их обоих к себе. Лесницкого хотел казнить смертью, а Выговского велел перед собою расковать по рукам лицом к земле и держал его в таком положении мало не целый день, "пока у Богдана сердце ушло"; писарь лежал на земле, все плакал, и гетман наконец простил его.

19 апреля отправился к Хмельницкому окольный Федор Васильевич Бутурлин да дьяк Василий Михайлов. 23 мая приехали они в Гоголево, где были встречены стариком Астафьем Выговским и священниками с образами и хоругвями; Выговский просил послов проводить честные иконы до церкви, а из церкви позвал их к себе обедать. За обедом Бутурлин начал спрашивать старика о делах малороссийских, и Астафий, выславши всех людей вон, начал говорить: "В прошлом году, когда царские послы, князь Одоевский с товарищами, заключили с поляками мирный договор, то по указу царского величества отправлены были туда, в Вильну, и посланцы от гетмана Богдана Хмельницкого и всего Войска Запорожского. Когда эти посланцы приехали назад, то, ухватя гетмана за ноги и облившись слезами, завопили: "Сгинуло Войско Запорожское в Малой России, нет ему помощи ниоткуда, некуда ему деться! На каких мерах у царских послов с польскими комиссарами учинился договор, про то нам отнюдь ничего неведомо: царские послы не только с нами ни о чем не советовались, не только в посольский шатер не пускали, но и до шатерных пол далеко не допускали, словно псов в церковь; а ляхи нам

сказывали, что царские послы постановили договор по поляновским статьям, и Войску Запорожскому со всею Малороссиею быть в королевской стороне по-прежнему, и если козаки в послушании у ляхов не будут, то царское величество станет ляхам на козаков помогать". Выслушав эти вести, полковники начали быть в великом сомнении, какими это мерами так над ними учинилось? А гетман Хмельницкий, как шальной, в исступлении ума завопил: "Дети, не горюйте, я уже знаю, как сделать; надобно отступить от царской руки, а пойдем, где великий владыка повелит быть, не под христианским государем, так под бусурманом". И велел посылать по всем полковникам, звать на раду. Тут сын мой, писарь Иван, ухватясь за ноги гетмана, стал говорить ему наедине: "Гетман, надобно это дело делать без запальчивости, разузнать, как что сделано, послать к царскому величеству и проведать подлинно, за какие наши вины так сделано? А присяга дело великое, нарушить ее нельзя, за это сам высший творец будет мстителем". И к полковникам, которые в то время были при гетмане, сын мой забежал и говорил с плачем, чтоб не отлучаться от высокой руки царского величества и не слыть по всему свету изменниками. Гетман сына моего не послушал, прямо отказал, что никак нельзя остаться под царскою рукою за такое государево немилосердие. Дети мои, Иван и Данило, уговаривали полковников, чтоб не делать этого, собрали раду, и на раде полковники гетману отказали впрямь, что они от государя не отступят и по всему свету изменниками слыть не хотят: нестаточное дело, говорили они, чтоб царское величество, показав свое милосердие надо всеми нами, высвободи нас от неприятельских рук, отдал бы опять врагам христианским. И едва гетмана уговорили. А Богдан Хмельницкий сильно ошалел и в болезни на всякого сердится: лучше умереть или побежать куда, чтоб только его не видать. Сын мой, писарь Иван, говорил мне, что "на гетманово злодейство и неправду никакими мерами угодить нельзя: если б не ты да не matka, то я бы давно от горести сердечной побежал к царскому величеству или в иные государства; и для верной услуги царскому величеству теперь сын мой, Иван, женился на шляхтянке благочестивой христианской веры, на дочери Богдана Станеевича, у которого маетности в Оршанском повете, на своих землях они и Кутеинский монастырь построили, а другой мой сын, Константин, женился на дочери Ивана Мещерского, и хотят бить челом великому государю, чтоб велел маетности их дать им, так же как царская милость была и к иным шляхтичам".

3 июня, не доезжая до Чигирина верст за десять, Бутурлин был встречен миргородским полковником Григорием Лесницким, который объявил о себе, что он сделан наказным гетманом над всем Войском Запорожским, чтоб идти против крымского хана; стоит он в десяти верстах от Чигирина и сбирается с войском, а крымский хан со всеми ордами переправился за Днепр под Очаковом и стоит в недалних местах. "Теперь, - говорил Лесницкий, - слух до нас доходит, что его царское величество, неизвестно по каким нашим винам, гнев свой на нас положил и хочет послать на нас ратных воинских людей; однако мы жен своих и детей оставим без всякого

спасенья, хотя и постигнет нас меч его царского величества; мы подложим головы свои под меч этот безо всякого сопротивления: буди во всем воля великого государя нашего".

Бутурлин отвечал: "Это вам кто-нибудь наговорил воровски, на ссору: великий государь держит вас в своей милости и жалованье, и вам бы ему служить, а воровским речам, смутным речам не верить, а служба ваша у великого государя забвенна не будет".

Верст за пять от Чигирина встретили Бутурлина сын Хмельницкого Юрий, писарь Выговский, есаул Иван Ковалевский, с ними козаков конных человек с двести; Юрий сказал Бутурлину: "Не прогневайтесь, что отец мой сам не выехал к вам навстречу: он очень болен". На другой день Бутурлин был у гетмана, которого нашел в постели. По причине болезни Богдан отказался слушать речи посольские о великих государевых делах, отложил до другого раза; Бутурлин за это отказался было обедать у него, но потом согласился, когда гетман объявил, что он почтет это за знак государевой немилости к нему. За стол сели и потчивали послов гетманова жена Анна и дочь Катерина, жена Данила Выговского, писарь Иван Выговский и есаул Иван Ковалевский, а сам гетман за столом сидеть не смог, лежал на постели. В половине стола Богдан велел налить себе кубок венгерского, встал и, поддерживаемый слугами, пил за здоровье государя, царского семейства, за патриарха Никона, милостивого заступника и ходатая.

На другой день Бутурлин расспрашивал писаря Выговского о вестях; тот, взирая на образ Спасов, перекрестя лице свое, с великими клятвами говорил, что Хмельницкий и он, писарь, и все Войско Запорожское великому государю во всем истинные слуги и подданные без всякой шатости; с шведским королем, с Рагоци, с молдаванами и волохами гетман соединился не для чего иного, только на славу, честь и хвалу великому государю. Великий государь с поляками договор велел учинить по поляновским статьям, Войску Запорожскому быть по-прежнему в Короне Польской; гетман и все Войско Запорожское о том опечалились, а поляки обрадовались покою, начали злохитрствовать, забегать во многие государства, чтоб они вместе с ними Войско Запорожское и православных христиан воевали. Тогда гетман послал к венгерскому, молдавскому и волошскому владетелям о дружбе; те обрадовались и присягнули в вечной дружбе. Это сделано великому государю на вечную славу, что такие честные владетели царского величества подданным учинились в дружбе и братстве и на недругов великого государя в соединении; а полковник Антон Жданович ходил на поляков не для того, чтоб Рагоци быть на Короне Польской, а только для того, чтоб поляки с окрестными государями дружбою не сносились и подданных царского величества не разоряли. Бутурлин отвечал: "Нам в великое подивленье, какими мерами то чинится, что у гетмана и Войска Запорожского с неприятелем царского величества, шведским королем, ссылка и соединение, и всякое доброхотство от

великого государя переносится на шведского короля да на Рагоци венгерского, и Войско Запорожское всякое вспоможенье чинит неприятелям царского величества без воли и повеленья великого государя. Делаете вы это, забыв страх божий и свое обещание, данное пред св. Евангелием; Корону Польскую, на которую избрали великого государя нашего, разоряете, крови христианские проливаете, православным церквам Божиим и православным христианам, живущим в Польше, от кальвинов разорение и осквернение чинится многое, так что и слышать страшно: блюдитесь, чтоб вам за такие неправды не навести на себя гнева Божия!"

Наконец Богдан прислал звать к себе Бутурлина на личное свидание. Посол повторил и ему те же самые слова, какие говорил Выговскому. Богдан вспыхнул. "От шведского короля, - сказал он, - я никогда отлучен не буду, потому что у нас дружба давняя, больше шести лет; шведы люди правдивые, всякую дружбу и приязнь додерживают, слово свое держат; а царское величество надо мною и надо всем войском учинил было немилосердие свое: номирясь с поляками, хотел было нас отдать им в руки; а теперь слух до нас доходит, что государь изволил послать из Вильны против нас, шведов и венгров, ляхам на помощь 20000 ратных людей; а мы, когда еще и не были у царского величества в подданстве, великому государю служили, крымского хана воевать московские украины не пускали девять лет, и теперь мы от царской высокой руки неотступны и идем воевать с неприятелями царского величества, хотя бы мне от нынешней моей болезни и смерть приключилась, для того везем с собою и гроб. Вере христианской никогда я разорителем не буду: были с нами в союзе и бусурманы, крымские татары, и те меня слушали, бились за церкви Божии и за веру православную. Великому государю во всем воля; только мне диво, что бояре ему ничего доброго не посоветуют: Короною Польскою еще не овладели и мира в совершенье еще не привели, а уже с другим государством, со шведами, войну начали, а шведский король силен, у него в союзе шестнадцать земель; и если бы я не соединился со шведами, венграми, молдаванами и волохами, то соединились бы с ними поляки, и нас всех в Малой России вырубил бы и выжгли, царского величества рати к нам на помощь не подоспели, мы бы все сгнули, а потом и Российскому государству было бы нерадостно ж".

Бутурлин отвечал: "Гетман! Стыдно тебе говорить такие непристойные слова! Надобно бы тебе помнить бога и присягу свою, как обещался великому государю служить и прямить и всякого добра хотеть; надобно было тебе помнить царского величества милость и от неприятелей оборону; а теперь за помощью Войска Запорожского шведский король и Рагоци побрали в Польше много городов и великое, неизреченное богатство пограбили; блюдитесь, чтоб вам за ваши неправды не навести на себя гнева Божия! Когда победою царского величества поляки учинились бессильны, то на разоренье и на грабеж много у вас друзей стало; а как неприятели ваши, польские и литовские люди, вам были страшны и сильны, то освободиться от них никто вам не помог, только один великий

государь наш. Когда вам от неприятелей было тесно, то ты, гетман, с послами великого государя говаривал поласковее, а теперь ты говоришь с большими пыхами, неведомо по какой мере. Тебе самому памятно, как приходил я со многими ратными людьми тебе на помощь против поляков и крымских татар: в то время ты был очень низок и к нам держал любовь большую; носи платье разноцветное, а слово держи одинакое. Неправды шведского короля не только великому государю нельзя было терпеть, но и ты бы не стерпел; а служба твоя великому государю известна и никогда у него забвенна не будет; теперь великий государь тебя держит в милости и великой чести, и вперед на царскую милость будь надежен, а непристойные и высокие меры от себя отложи. У великого государя и в мысли того не было, чтоб отдать вас польскому королю, да и то дело несхожее, что государь послал на вас из Вильны 20000 ратных людей: это кто-нибудь сказал на ссору, так тебе бы этому не верить; царское величество вас всех, православных христиан единовверных, держит в своей милости".

Резкая правда в начале речи и мягкий конец произвели свое действие; старик приутих и отвечал: "Я верный подданный царского величества и никогда от его высокой руки не отлучусь; царского величества милость и оборона нам памятна, и за то готовы мы также царскому величеству служить и голов своих не щадить. Только теперь дайте мне покой; подумавши обо всем, вам ответ учиним в другое время потому: я страдаю от тяжкой болезни, не могу говорить". Постлали скатерть на стол, и больной попросил Бутурлина по-приятельски отобедать у него чем бог послал; жена и дочь его по-прежнему потчевали.

На другой день, 10 июня, пришел к Бутурлину писарь Выговский и сказал: "Гетман велел вам сказать добрый день и о вашем здоровье спросить, на вчерашнее же не сердитесь, потому что гетман очень болен, простите, что в тяжкой своей болезни запальчиво говорил: в болезни своей теперь на всех сердится, уже нрав такой, нас всех бранит, подойти нельзя! Гетман велел спросить: донес ли царскому величеству стольник Кикин о желании гетманском написать к шведскому королю о его неправдах?" Бутурлин отвечал, что Кикин донес об этом: пусть гетман пишет к королю и пусть тот исправится пред государем. "Но, - прибавил посол, - перехвачена литовскими людьми грамота гетманская к шведскому королю, в которой Хмельницкий пишет, подкрепляя договор свой с королем и ожидая от него великих послов". Выговский отвечал: "Шведские послы должны быть сюда скоро; но в грамоте не написано, что гетман подкрепляет договор свой, гетман писал только о дружбе, приязни и любви". Бутурлин сказал на это: "Писарь Иван Выговский! Помни к себе милость и жалованье великого государя, служи и работай ему истинным сердцем, правую душою, безо всякой хитрости и обману, а у царского величества твоя служба и работа незабвенна!" Выговский по обычаю своему клялся страшными клятвами, что служит великому государю всею душою, гетмана и полковников укрепляет и от всякой шатости отводит, и в знак прямой службы и верного подданства женился на православной, и хочет просить, чтоб тестевы

имения в Оршанском повете перешли к нему и жене его, а он великому государю верный подданный до конца жизни.

12 июня приехали к гетману шведские и венгерские послы; Бутурлин послал за Выговским и спросил его: зачем приехали послы? Писарь отвечал, что Карл X прислал о дружбе и любви с гетманом и со всем Войском Запорожским. 13 числа гетман прислал звать к себе царских посланных на разговор и встретил их такую речью: "Уверяю, что ни я, ни кто другой из живущих в Малой России от высокой руки царского величества не отступен; просим вас донести до царского величества наше моление и просьбу, чтоб великий государь не верил обличениям на нас, а что мы прибрали к себе в товарищество шведа и Рагоци, не обославшись с великим государем, то это сделали мы из страха, потому что ляхи задают фантазии великие, под клятвою утверждают, что царское величество нас отдал им, да и для того, чтоб ляхи не соединились со шведом и Рагоци. Думаем, что швед мирному договору будет рад, а если мириться не захочет, то в то время на шведского короля иной способ учиним; а теперь бы начатое дело с ляхами к концу привести, чтоб всеми великими потугами с обеих сторон, и с царского величества, и с шведской, ляхов бить, до конца искоренить и с другими государствами соединиться не дать; а мы знаем наверное, что словом ляхи великого государя на корону избирали, а делом никак то не случилось, как видно из грамоты их к султану, которую я отослал к царскому величеству".

Бутурлин, ничего не отвечая на это, начал свои речи. "В прошлом, 1655 году ходили вы на ляхов вместе с боярином Васильем Васильевичем Бутурлиным, пришли под первый город Гусятин, боярского полка люди начали к нему приступать и на город взошли, а ты, гетман, велел их от города отбивать, и на том отбое многих людей посекали, а по тем людям, которые взошли было на город, из пушек стреляли. Боярин послал к тебе дворян спросить, что это значит? Ты отвечал, что гусятинцы прислали к тебе бить челом, что сдадутся. Когда подо Львов подошли государевы ратные люди и хотели над ним чинить промысл, то ты, гетман, промысла никакого чинить не дал, а взял с города пятьдесят тысяч золотых червонных; а как посылали под Люблин Данила Выговского да Петра Потемкина, то в Люблине взяты взятьем только посады, а замочек сдался, и в замочке этом тамошним людям тесноты никакой не чинили же и людей не выводили. А теперь, которая шляхта великому государю присягнула и на маетности свои получила жалованные грамоты, чтоб жить безопасно, то черкасы Нечаева полка разоряют ее, из маетностей выгоняют, иных побивают, крестьян от пашни отлучили и произвели такой голод, какого давно не слыхано, не только что мертвечину и всякую нечистоту, но и человеческое мясо едят: и, на то смотря, другим полякам в Литве под царскую руку поддаваться опасно. Когда полномочные царские послы говорили с польскими комиссарами в Вильне об избрании царского величества на Корону Польскую и польские комиссары соглашались, лишь бы только права и вольности их не были нарушены и маетностей не

отнимали, в то время ты, гетман, во всем полагался на государское изволение, а теперь говорил стольнику Кикину и дьяку Фомину, что если царское величество с польским королем и помирится, то ты с поляками никогда в согласии не будешь, либо их разоришь, либо сам пропадешь. Таким образом, в словах твоих нет постоянства: сперва ты под Гусятином говорил: хотя бы поддавались не только поляки, но и татары и жида, и тех для чего не принять? Теснить их ни в чем не годится; а теперь поляки сами желают быть под царскою рукою, и тебе какое приобретение, если от вашего гонения и тесноты они поддадутся шведскому королю или Рагоци?"

Гетман отвечал: "Правда, что под Гусятином города добывать мы не давали, не потому, что ляхов берегли, а потому, что в тех городах много православных христиан, а мыслили мы начальное и главное дело: войска кварцяные и гетманов побивши, идти далее, в Польшу, и там добывать коронных городов, в которых ляхи живут. Но этому нашему замыслу послушными быть не захотели, пошли за грабежом и гонялись за корыстью. А со Львова хотя что и взято, и то роздано ратным бедным людям. Мы знаем, кто сами себе честь получили больше того, но мы их перед царским величеством не выдаем, чтоб царское величество над нами милость показал, тем, которые доносят на нас невинно, верить не велел; а я хотя бы и шальной был, то не мог бы велеть побивать из пушек царских людей, единовверных православных христиан. К Ивану Нечаю послал я нарочно листы, чтоб шляхте кривд никаких не чинили".

Бутурлин продолжал: "В дороге мы слышали от всяких людей, что была у тебя рада, и на той раде сдал ты гетманство сыну своему Юрию: и тебе бы велеть сыну своему в церкви божией, пред святым Евангелием, при нас присягнуть на подданство великому государю, государыне и царевичу Алексею Алексеевичу". Гетман отвечал: "Видите сами, что я сильно болен и в старости, и я поговорил с полковниками, чтоб попомнили свою службу, промысл и раденье, по смерти моей выбрали на запорожское гетманство сына моего Юрия; а ныне, пока жив буду, гетманство и всякое старшинство держу при себе, а когда по моей смерти сделается гетманом сын мой Юрий, то он царскому величеству присягу учинит".

Следовала статья потруднее. "По указу великого государя, - говорил Бутурлин, - велено в Киеве стрельцам жить с женами и детьми и дать им под дворы места и под пашни земли, чтоб стрельцы в Киеве от неприятельских безвестных приходов всегда были готовы; но в Киеве полковник и войт без твоего гетманского письма под стрелецкие дворы мест не дают, и стрельцы с женами и детьми живут по шалашам, и вы сами городу от неприятелей разоренье навести хотите, потому что стрельцы в Киеве без дворов жить не станут и побредут врознь, и если без ратных осадных людей что над Киевом учинится, и то будет от вас: так ты бы отписал в Киев поскорее, что места и земли велел отвести". Гетман отвечал: "В Киеве я давно не бывал; у кого и под городом отняты земли, от тех до сих пор хлопоты и плач великий, на чужих землях трудно поселить,

это значит право нарушить". Тут писарь Выговский и есаул Ковалевский стали кричать: "Как это можно отнимать собственные стародавние места, которые даны церкви прежними князьями русскими и королями польскими, также собственные дома и земли козацкие и мещанские отнять и отдать стрельцам! Этим наведем на себя лютую беду! Ляхи у гетмана отняли стародавнюю маетность Субботову, и за эту кривду до сих пор кровь льется; в Киеве можно пробыть и без московских стрельцов, такими малыми людьми от неприятеля не оборониться". И отказали впрямь. Бутурлин возражал: "Отговариваетесь мимо всякой правды не делом; можно дать стрельцам земли митрополичьи, монастырские, козацкие, мещанские, а старым владельцам дать взамен земли где-нибудь в другом месте, хотя бы и больше прежнего. Пристойное ли вы дело говорите, что стрельцам и солдатам в Киеве не быть; где по указу царского величества честные люди бывают в городах воеводами, и для их чести и для обороны, и для неприятельских безвестных приходов живут конные и пешие рати многие. Ты, гетман, сам пишешь к государю, что турки и татары идут на Малороссию, а в Киеве осадные люди только одни мещане, и тех немного, для своих торговых промыслов в беспрестанных разъездах. Царские стрельцы и солдаты приехали в Киев другой год и до сих пор не имеют, где головы приклонить, скитаются с женами и малыми детьми между дворов, и мороз, и дождь, и слякоть, и солнечный жар терпят, и многие помирают. Вам, писарю и есаулу, приставать к гетмановым словам непригоже и говорить шумно не годится: это обычай негодных людей. В домах своих вы не только челядникам своим покой строите, но и псам конуры, и лошадям конюшни, и скотине хлевы; а царского величества ратные люди не имеют, где головы приклонить. Как вы бога не боитесь и стыда не имеете: это ли братская любовь?" Гетман отвечал: "Подумавши, как это сделать, дам вам знать".

У Бутурлина была еще статья: "Царскому величеству ведомо учинилось: говоришь ты, гетман, что царское величество к тебе и ко всему Войску Запорожскому милостив, а бояре вас ненавидят и службы прямые ваши до государя не доносят; это тебе про бояр кто-нибудь сказывал на ссору, ложно; боярам тебя ненавидеть не за что, а служба твоя великому государю и боярам его вся известна, и ничто от великого государя не утаено: и тебе бы таким смутным воровским речам не верить".

На другой день, 14 июня, пришел к Бутурлину Выговский и объявил, что в Киев уже отправлен Иван Волович для приискания места стрельцам. Бутурлин выговорил Выговскому за его вчерашние *шумные и развратные* речи, но Выговский отвечал: "Говорил я так по гетманову приказу, а всех пуще в том деле помешку чинит есаул Иван Ковалевский: со мною перед гетманом сильно спорит; хотя бы ему какой-нибудь подарок дать, чтоб он в этом деле не мешал".

Это были последние переговоры с Богданом: 27 июля знаменитого гетмана уже не было в живых.

